

ВАЛЕРИЙ ДЕНИСОВ

ЭТОТ УПРЯМЫЙ ПАРЕНЬ...

То утро не предвещало ничего неожиданного... За окном простучали колеса электрички. Еще не открыв глаза, Александр отметил про себя: «Семичасовая, — значит, подъем...» Сработала армейская привычка. Встал быстро, натянул тренировочный костюм, кеды. Осторожно, чтобы не разбудить домашних, открыл дверь и сбежал по лестнице во двор. Здесь, переминаясь с ноги на ногу и поеживаясь от прохлады, поджидал его знакомый паренек из первого подъезда.

— Что, дядя Саша, три круга?

— Как водится...

И они побежали гуськом по холодному от росы асфальту навстречу все явственнее проступающему из тумана контуру высотного здания МГУ... Затем была традиционная чашка крепкого кофе, ласковая болтовня проснувшейся Аленки, скорые сборы. Все как вчера, позавчера, много дней назад. Хорошее начало служебных будней. И когда Александр покидал квартиру, он не знал, не догадывался, не чувствовал, что уходит навстречу подвигу...

Здравствуй, столица!

Александр Попрядухин. Часто меня спрашивают: «Почему пришел на службу в милицию?» Трудный вопрос. Ведь не скажешь,

что с детства мечтал подбирать пьяных и ловить жуликов. На родине, в Сивске — брянской деревушке, я их не видел никогда. На Урале, где работал строителем, правда, довелось кое на что наглядеться. Но ведь потом была служба на заставе. Нет, определенно до поездки в Москву не думал о милиции. В столице же у меня дядя жил...

Вагон мерно покачивало. Монотонный перестук колес, степное однообразие пронесшегося мимо окон пейзажа укачивали. Вдруг отяжелевшие веки сами собой слиплись. Неторопливый шепоток разговора, поднимавшийся снизу, таял, не касаясь Сашкиного уха. Ленивое, сонное поездное бездействие. Удручающее, но неизбежное. Особенно если тебя не тянет к картам, к костяшкам домино, к бутылке вина, уже не раз выставленной на стол попутчиками. Нет, уж лучше вот так просто лежать на своей полке и топить взгляд в бескрайних равнинах.

За годы службы на Кавказе он отвык от такого пейзажа. Казалось, высади его сейчас на каком-нибудь полустанке, поставь среди ковыля — и он заблудится, не найдет верного пути, потому что кругом одно и то же: степь в любую сторону до горизонта. А вот тому, что лежит справа на нижней полке, нравится. Как это он давеча сказал:

— Простор люблю, щоб на десять верст все кругом видно было. Щоб грудь дышала настоем трав. Эх, красотища какая! Жаль покидать родные места.

Попрядухин поинтересовался:

— А кто вас гонит?

Тот засмеялся:

— Так разве гонют. Выдвигают. На руководящую работу в один из областных центров на севере. И как я там буду без степи родной.

— Наверное, отказаться можно было?

— Да ты, видать, чудак, пограничник, кто же от руководящей должности отказывается.

Саше почему-то стало грустно, едва представил этого человека на том месте, что ему определили. Что сделает он для города, который заочно ему не по душе?..

Но сейчас в легкой дремоте Александр ничего не слышал, только стук колес. И ничего больше. Только мысли свои. Они, словно кольца табачного дыма, невесомо и прозрачно вились вокруг недавнего прошлого.

Служба на заставе прошла легко. Больше того, он даже привык к ней и, возможно, на предложение командования остаться на сверхсрочную ответил бы положительно, не приди письмо от матери. Она звала сына, писала:

«Не захочешь в Сивске жить, поезжай в Москву, к дяде. Все поближе будешь. Но только не оставайся на границе. Такое расстояние не для моего сердца».

Саша любил мать. И знал, что сердце у нее с надломом — беречь такое надо. Поэтому сел на поезд. Но ехать решил через Москву — надо все же узнать, что за планы строит там дядя.

Локомотив сбросил скорость. Состав нервно вздрогнул, сжался, притормозил. Где-то под самым потолком вагона хриплый голос произнес:

— Наш поезд прибывает на станцию Батайск. Стоянка поезда...

Время стоянки поезда Попрядухин не расслышал, потому что истошный вопль неожиданно заполнил все отсеки их цельнометаллического плацкартного вагона:

— Батюшки! Ограбили! Как есть! Только что басурман хrapел здесь возле меня и сгинул. Помогите, люди добрые!

Машинально, повинуясь какому-то непонятному импульсу, Александр соскочил с полки. Он еще не знал, что будет делать, но был уверен в своей готовности помочь женщине.

Она причитала в последнем купе:

— Сколько лет гроши копила, по рублику, по червонцу, думала, детишкам куплю обновки в столице, себе что найду! И все, все до копеечки ирод стащил.

Женщина большими, загрубевшими от тяжелой работы кулаками растирала покрасневшее и опухшее от слез лицо. Вид ее невольно порождает жалость. Но бывшего пограничника эмоции сейчас не волновали. Нужна была информация. Точная, краткая.

— Что за ирод?

— Та сосед наш. В Армавире подсел. Ох горюшко-горе! — женщина опять начала плакать.

— Успокойтесь, пожалуйста, — вежливо попросил Попрядухин, — а то время уходит. Сейчас будет большая станция. Ищи-свищи его тогда.

— Ой, касатик, ой, правильно!

— Давно он сбежал из вагона?

— Та тильки что, в туалет, извините, отлучилась я. Возвернулась — а его нет. И чемодана моего.

— Как выглядит сосед ваш?

— Так, как все. Молодой мужчина. Правда, стриженный. И рубашка с какими-то птицами на нем. Голубенькая...

Саша уже ничего не слушал. Он рванул на себя дверь вагона, ведущую в тамбур. Затем следующую. Соседний вагон пограничник пробежал: знал, здесь злоумышленник не остановится. В следующем внимательно осмотрел все купе. Напрасно. Мужчины в голубой рубашке с птицами здесь не было. Поезд сбавлял ход. А Попрядухин бежал все быстрее и быстрее. Иногда он сбивал пассажиров, вышедших из купе, успевая извиниться. На что слышал вдогонку:

— Сумасшедший какой-то!

— Да просто выпил на радостях солдатик...

Солдатика же мучила мысль: «Куда исчез стриженный?» Вот пограничник прыжком преодолел еще один тамбур. И тут же заметил, как какой-то человек открывает дверь, ведущую из вагона. Открывает на ходу. Человек этот был в черной рубашке. Но стриженный и с чемоданом, как говорила потерпевшая. «Значит, он!»

Попрядухин выбросил вперед руку, ухватил вора за локоть. В тот же момент дверь распахнулась и преступник провалился куда-то вниз. Ухватившись за поручень, Саша выглянул наружу.

Человек с чемоданом оказался ловким. Он точно, расчетливо спрыгнул, метнулся через соседний путь, что называется, перед самым носом встречного поезда.

Тяжело груженные вагоны головокружительно мелькали перед глазами. Их было много. Несколько десятков. И это предрешило исход происшествия в пользу злоумышленника. Когда состав прошел, его и след простыл.

Обескураженный, вконец расстроенный, возвращался Саша в свой вагон мимо пассажиров, которые поняли, что пограничник не сумасшедший и совсем не пьяный, и которые еще более недоумевали: зачем же он так стремительно бежал по узким коридорчикам? И в самом деле — зачем? Какое ему, Попрядухину, дело до плачущей женщины, до ее чемодана, до стриженного человека. Почему именно он пустился в эту погоню? Не ошибусь, если скажу, что эти вопросы задавали многие, узнавшие о случайном эпизоде в поезде. Многие, кроме самого Попрядухина. Александр просто не думал о них. Все, что произошло, было естественно, как естественно желание каждого нормального человека протянуть руку оступившемуся. В конце концов, то, что произошло, вытекало из самой природы характера Попрядухина. Характера человека, которому до всего есть дело, который не мыслит свою жизнь в обывательской заводи, для которого законом стало правило: «Мое — значит наше». Именно благодаря беспокойному характеру судьба бывшего пограничника на третьем десятке жизни круто повернулась. Он остался военным. Остался на передовой. Однако обо всем по порядку...

Случай под Батайском испортил Саше настроение на всю оставшуюся дорогу. Скучным, отсутствующим взглядом провожал он проплывающие мимо терриконы, только мельком взглянул на меловые кручи Белгородщины. Правда, вот леса за Курском, столь похожие на родные, Брянские, заставили учащенное биться сердце. Но только на минуту. А так в ушах назойливо звучали причитания женщины. Перед глазами же маячили бритый затылок и черная рубашка человека, которого он не сумел задержать.

— Кончай дуться, хлопчик. Бис с ним, с ворюгой. Не он первый, не он последний! — Это тербит тот снизу. — Москва-матушка приглашает. Как это говорится: «Поезд прибывает в столицу нашей родины». Понял?

До обшарпанного, прокопченного временем дома в Замоскворечье добрался без особых хлопот. Легко взбежал по лестнице на нужный этаж.

Дядя, едва увидел в дверях племянника, вскочил со стула:

— Тетка, дорогой, здравствуй, вот отчудил! Ни строчки не написал и раз — в Москве. Чувствуется порода попрядухинская. Лихие люди, ну прямо первоконники!

Он грубовато обнял Сашу, крепко сжал в могучих руках. Затем отодвинул от себя и сквозь хитроватый прищур посмотрел внимательно:

— Возмужал!.. Хорош!.. Ну прямо орел!.. — Вдруг дядя засуетился: — Да что это я с разговорами! Бросай чемодан в угол, сполосни руки — да к столу скорее. Мигом что-нибудь соображу. Небось проголодался с дороги?

— Да ничего не нужно! — пытался протестовать Саша.

— Что значит не нужно! Зачем обижаешь? Или не русские мы люди?

Дядя подбежал к шкафу. Только сейчас Попрядухин обратил внимание на то, что родственник его в форме. Значит, спешит, Александр, чтобы проверить свою догадку, спросил:

— А вы со мной посидите?

— Посидеть — посижу, а насчет этого, — дядя выразительно щелкнул по шее, — ни-ни! Сам понимаешь, на службу иду. — Он помедлил немного и виновато добавил: — У меня всего-то минут пять в запасе, так что не обессудь... — Когда встали из-за стола, дядя вдруг предложил: — Ты здесь устройся и — давай к нам в отделение. Может, часок свободный выдастся, тогда все и обговорим. А то до вечера один будешь. Так как, договорились?

— Договорились.

...В тот предвечерний час в отделении было пустынно. Дежурный, устроившийся за деревянным барьером, явно скучал. Нарушителей не доставляли, посетители не шли.

С появлением молодого пограничника лицо сержанта милиции просветлело. Как-никак разговор предстоял. Дежурный быстрым движением сунул «Огонёк» в ящик стола, приосанился, взялся за ручку:

— Вы по какому делу, товарищ?

— Видать, по личному. Я к старшине Нефедову.

— Так ведь он в КПЗ, подменяет сегодня постового.

— Знаю, но дядя просил зайти.

Младший сержант улыбнулся:

— Значит, старшина вам дядей приходится?

— Точно.

— Это меняет дело. Однако подождать его малость придется.

Попрядухин же внимательно рассматривал помещение. Комнатка просторная, правда немного запущенная: на стенах потеки, кое-где отвалилась краска. Показанному, все просто. Ничего лишнего: стол, барьер, две скамьи. В углу за дежурным — несгораемый шкаф. Висят дощечки с наклеенными на них выдержками из указов. Не думал тогда Александр, что придется ему на протяжении многих лет ежедневно приходить в эту комнату, видеть, как будет она меняться, отражая перемены в самой милиции. В тот момент он просто переводил глаза с предмета на предмет машинально, от нечего делать.

— Река в Белоруссии из пяти букв?... — неожиданно спросил дежурный.

Попрядухин сначала не понял, а потом, догадавшись, о чем идет речь, сказал:

— А какие буквы есть?

— Вторая «е».

— Десна! — Однако это слово произнес не Саша и не младший сержант, а вошедший в комнату быстрой походкой сухощавый энергичный майор. — Загораем, Чернов? — обратился он к дежурному.

Тот смутился:

— Так вроде все спокойно, товарищ майор, вот и балуюсь кроссвордом.

— А что за посетитель у тебя? Кого ждет?

— Этот? — Чернов показал на Попрядухина. — Так ведь это племянник старшины Нефедова. По личному вопросу пришел.

— В служебное-то время.

«Вот влип, да еще дядю подвел, — подумал Саша. — Надо уходить быстрее».

Но едва он поднялся, как майор произнес:

— Не спеши, юноша, зайди-ка на минутку ко мне. — Он внимательно, с уважением посмотрел на значки солдатской доблести, украшавшие мундир Попрядухина.

Едва вошли в кабинет, майор представился:

— Равчеев Иван Григорьевич. Заместитель начальника отделения... А вас как величать?

— Попрядухин Александр Иванович, — с нарочитой солидностью ответил Саша.

— Вот что, Александр Иванович, коллеги мы с тобой. Я ведь тоже на границе служил. Фуражку эту самую, зеленую, можно сказать, до дыр занашивал. — И вновь Равчеев задал неожиданный вопрос, такая привычка у него была — стрелять вопросами: — Не на западе служил?

Саша заметил и другую особенность майора — переходить в ходе беседы с «вы» на «ты», и наоборот. Причем, чувствовалось, что для этого простого в обращении человека первое местоимение менее привычно. Размышляя над этим, Попрядухин замедлил с ответом.

Майор понял это по-своему и засмеялся:

— Что, военная тайна? — Он открыл дверцу сейфа и вынул из нее какую-то бумагу: — Вот, могу документально подтвердить, что вышел в люди из погранвойск.

Саша смутился:

— Да я и так вам верю. Только служил больше на юге...

— На юге? Тогда должен знать подполковника Мохина.

— Он служил рядом.

— Ну вот видишь, и общие знакомые есть, да ты садись поближе, разговор у нас будет.

Начинал Равчеев с обычного: как служилось, за что награды, что дальше делать думаешь?

— Комбайнер я, в колхоз на Брянщину вернусь...

— Дело. Механизаторы на селе сейчас нужны. Но вот жаль, что опыт твой пограничный пропадет... — Майор помедлил чуть-чуть, словно раздумывая, продолжать свою мысль или нет.

Выручил Александр.

— А разве можно сделать так, чтобы он не пропал?

— Конечно! — обрадовался вопросу Иван Григорьевич — он ждал от своего случайного собеседника именно заинтересованности. — Знаешь, как нам нужны люди с чекистской закваской! Принципиальные, бдительные, умеющие распознавать повадки злоумышленников. Ты думаешь, у нас тишь да благодать: сидим за барьерчиками, кроссворды разгадываем? Ничего подобного! Считаю, что тебе повезло — пришел в отделение в тихий час. Зашел бы часа через два — увидел бы нашу работу. — Равчеев встал из-за стола, быстрым шагом прошелся по кабинету. — Нет, любезный, покой нам только снится, так, кажется, говорят? У нас проходит граница, линия раздела между добром и злом. А сам знаешь, спокойно на границе никогда не бывает. Где сходятся вместе правда и кривда, где сталкиваются чуждые друг другу идеи, всегда горячо, всегда интересно. Вот и

думается мне, что место твое, солдат, среди нас. И романтика будет, и трудные, жестокие будни, и удовлетворение от того, что помог ты человеку. В общем, посоветуйся с дядей, обдумай все и приходи, обязательно приходи. Приглянулся ты мне. Вот честное слово, приглянулся.

В кабинет постучали.

— Войдите! — пригласил Равчеев.

Порог переступил взволнованный офицер милиции.

— Товарищ майор... — начал было он, заметив постороннего, осекся. Однако Иван Григорьевич дал знак: «Продолжай». — Труп нашли в переулке, — закончил офицер.

— Готовьте группу на выезд, я сейчас... — Уже в дверях Равчеев бросил Александру: — Вот тебе и кроссворд...

Саша заглянул в дежурку. Чернов, занятый чем-то своим, произнес недовольно:

— Ты еще здесь? Так иди по коридору. В конце его дверь, она ведет в КПЗ, там и подожди. Понял?

— Чего не понять.

— Тогда валяй, дружок. А у нас запарка начинается.

Старшины Нефедова на месте не оказалось. «Опять услали куда-то — безотказный человек!» — такое определение дал дяде пожилой, помятого вида старшина милиции. На лице его лежала печать вечного недовольства. Уголки губ брезгливо опущены вниз, брови сдвинуты к подбородку. Две глубокие морщины наискось пересекали обвисшие щеки. С таким лучше не заводить разговор — миг настроение испортит. Да, собственно, Саша ж не помышлял о разговоре. Узнал, что дядя в отлучке, ну и к выходу. Однако чем-то он заинтересовал старого служаку, пробудил дремавшее где-то в огрубевшей его душе любопытство. Потому что старшина пробурчал, гремя алюминиевыми кружками:

— А ты, собственно, по какой нужде?

— Племянник я Нефедова, поговорить пришел, да вот теперь и посоветоваться надо.

— Об чем же это, коли не секрет?

— Почему секрет. Майор ваш, Равчеев, кажется, предлагает на службу в милицию поступить.

— Ишь ты, предлагает, значит!.. — с какой-то издевкой в голосе протянул старшина. — Небось сладкие песни пел о героизме, о долге, о почетной работе. А ты не верь! Ты нас, стариков, слушай. — Старшина бросил кружки на стол. Подошел вплотную к Попрядухину, так, что тот ощутил горячее дыхание и вонючий запах дешевых папирос. — Нас, говорю, слушай. Не будет тебе никаких тут подвигов, никакого тебе благородства. Грязь одна. Каждый день пьянь да шпана. Кому хочется о нее руки марать? Известно, никому. Вот и существует потому милиция. А деньги за вредность нам не полагаются. Так что со всех сторон выходит: беги, парень, отселя, пока глупостей не натворил.

Саша решил наконец перебить собеседника:

— Вы говорите, что со стариками нужно посоветоваться, со старослужащими, надо понимать?

— Правильно.

— Значит, на совет дяди можно положиться?

— На Нефедова-то? Так он фанатик! Я ж говорил тебе, безотказный, ему все всегда нравится. Нет. Собьет тебя с толку.

— Собьет, говорите!

— Как пить дать!

— Ну ладно, всего вам доброго в таком случае.

Старшина махнул широкой ладонью и проворчал напоследок:

— Какое уж тут добро!..

Вот и думай теперь, Попрядухин, что тебе делать, по какой дороге идти. Развилка вот она, рядом, любой из путей пока в неясной дымке. Какой приведет к счастью удовлетворенного труда? Хлеб убирать ты уже пробовал, познал, почему фунт хлеборобского лиха. А тут даль совсем туманная, совсем неясная. Майор говорит: «Пограничная закваска пригодится, милиция — на передовой, она ведет бой за судьбы людей. Что может быть благороднее этого, что может быть интереснее для человека честного, прямого, не робкого». А ты, Попрядухин, такой. Во всяком случае, так говорят те, кто тебя знает, кто с тобой кашу из одной миски ел, кто спал на одних нарах, кто шагал рядом.

Но ведь есть и старшина из КПЗ с его убийственным практицизмом! И в чем-то он прав. Не для крахмальных воротничков служба охраны общественного порядка, день и ночь по большей части видеть негативную сторону жизни, постоянно соприкасаться с грязью. Хватит ли сил самому противостоять этому, не загубить, не зачерстветь? Да, Саша, трудный выбор тебе предстоит.

До квартиры дяди Александр добрался скорее интуитивно, чем сознательно. Мысли были далеко от маршрута, от пересадок. Он ловил себя на том, что внимательным взглядом встречал и провожал каждого в милицейской форме, искал в нем черты Равчеева и старшины из КПЗ. А у них свои лица. Разные. Красивые и бесцветные, серьезные и надменные, одухотворенные и усталые. Как определить: нравится им служба или нет? Ради столичной прописки пошли они в милицию или привело их сюда призвание? Нет, все совсем не так просто. А для решения времени отведено мало. Надо или — или. Без компромиссов, так, как ты решал всегда...

Дядя, смачно прихлебывая крепкий чай, говорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово:

— Советчик я тебе, Саша, надо понимать, плохой.

— Отчего же?

— Пристрастен. Люблю свою работу. Нужной людям ее считаю... Ты клади сахарок, не стесняйся. А Еремеич — желчный человек. Вот ведь службу несет исправно, а любит воду мутить и брюзжать. Жаль, что ты на него в КПЗ нарвался. Больше пользы бы извлек, повстречайся с кем другим из отделения. — Нефедов замолчал. Лишь слышно было, как жадно втягивал он в себя черный как деготь чай.

Тогда заговорил Саша:

— Но ведь и правда есть в словах Еремеича.

Дядя чуть не поперхнулся:

— Какая правда? Что преступник — плохо. Так это и без Еремеича ясно. Но не с грязью мы возимся, а из грязи человека тащим. Улавливаешь разницу? Нет, племянник, если хочешь выбор делать, слушай Равчеева. Стоящий человек. И вообще, неужели у тебя никогда не появлялось желания за шиворот схватить негодяя, обидевшего кого-либо, неужто не думал, что сильные руки твои могут помочь кому-то?

— И желание было, и думал... — протянул Саша. И перед взором его мелькнул тамбур поезда, фигура в черном, срывающаяся вниз.

Первый пост

Александр Попрядухин. Многое мне нравится в Москве. Часами могу ходить по Кремлю, любоваться Красной площадью. В свободное время часто брожу по бульварам. Но есть место в столице, которое особенно мне дорого. Октябрьская площадь. Первый мой пост...

— Мать, ты нам что-нибудь посолиднее сооруди... — попросил Нефедов жену. — Первый раз на пост Сашка идет...

— Да неужто сама не понимаю? — обиделась жена. — Завтрак будет что ни на есть праздничный. Накормлю на весь день. И не крутись под ногами. Помог бы парню форму в порядок привести...

Александр Васильевич вернулся в комнату, но понял, что помощь его не требуется. Отутюженная, с ярко начищенными пуговицами форма ладно сидела на молодом милиционере.

Да, Александр сделал выбор. Не сразу, не вдруг. Съездил сначала в Сивск, поговорил с родными, товарищами и вот вернулся в Москву. Его включили в списки четвертого отделения, поставили на все виды казенного довольствия.

Прошел Попрядухин курсы и теперь готовился к первому заступлению на пост. Идти в наряд для бывшего пограничника — дело привычное. Но одно дело сидеть в секрете на пустынном берегу реки, когда точно знаешь, на чем сосредоточить свое внимание, другое — стоять на оживленной площади, один шум которой кружит голову... Естественно, Саша волновался, ежеминутно беспричинно одергивал китель, снимал с него несуществующие пылинки, поправлял значки.

Нефедов опытен, Нефедова не проведешь: видит, что творится с племянником. Не вмешивается — это надо, чтобы душа горела. Иначе — безразличие одно. А пуще всего на свете не терпел Александр Васильевич людей безразличных. Они, по мнению старшины, — всему тормоз.

Дядя глянул на часы, забеспокоился:

— Чего это старуха наша копается? Не дай бог, опоздаем! Вот сраму-то будет! — и опять побежал на кухню.

Никакого ЧП, однако, не случилось. Минут за десять до развода прибыли родственники в отделение. Народ собирался. Люди получали оружие, спрашивали дежурного о новостях ночи, балагурили, докуривали последние сигареты. Затем прозвучала команда на построение. Четкий инструктаж заместителя начальника

отделения. Все по давно заведенному правилу. Но едва строй милиционеров рассыпался, Равчеев поманил к себе Попрядухина:

— Ну, крестник, зайди ко мне на минуточку.

Александр вошел вслед за майором в кабинет. Тот предложил сесть.

— Разговор небольшой будет. Понимай его как напутствие старшего.

— Слушаю вас! — с каким-то напряжением произнес Саша.

— Да ты проще себя чувствуй, считай, беседа у нас не служебная.

Попрядухин улыбнулся:

— Мы оба в форме, значит, на службе.

— Хорошо, что цену форме знаешь. Значит, быстрее поймешь меня, Александр Иванович... К чему все это я? Да к тому, что пришел день твоего милицейского крещения. День у тебя сегодня будет трудным. Разное встретится. Может, и губы придется кусать с досады. То, что на курсах получил, — самая малость. Основную науку постигать придется в службе. Еще раз повторяю: с разным встретишься. Но пусть мелочи, какими бы значительными они ни показались, не заслонят от тебя главного...

— А что главное? — спросил Саша.

— Главное? — Равчеев задумался. — Как бы понятнее объяснить... Ну вот в старые времена странники, отправляющиеся в путь за неизведанным, брали в руки посох, чтобы опереться на него в трудную минуту. Таким посохом для тебя должна стать вера в правоту своего дела, уверенность в том, что дело это необходимо людям. И тогда ничто не собьет с выбранного пути. — Майор замолчал, обдумывая что-то, судя по выражению лица, ставшему вдруг серьезным, особенно важное для него. Наконец он проговорил неожиданно интимно: — Будь, Саша, добрым к людям. Иначе сердце зачерствеет. Тогда подавай рапорт на увольнение. Пусть он орет, матерится, а ты его бей вежливостью. Не становись с ним вровень. Понял, дружок?

— Понял, товарищ майор! — голосом радостным от такого участливого разговора старшего товарища, от такой доверительной, отеческой беседы произнес Попрядухин.

— Ну и ладно. Ступай на пост, милиционер!

Скажем сразу, повезло Александру на первых порах службы. Повезло, что наставником его стал человек большой души, подлинного профессионализма, умеющий смотреть вперед, обладающий педагогическим тактом.

Могло же случиться иначе. Попади Саша, скажем, в руки к тому же Еремеичу. И сейчас, заметив вышедшего из кабинета Равчеева раскрасневшегося от волнений молодого милиционера, старшина поспешил к нему с ехидной усмешкой:

— Чего это, как роза, пунцовый? Иль премию авансом получил? Или с какой другой радости?

— На пост иду.

— Эко счастье... — Еремеич в сердцах махнул рукой. — Навидался я таких счастливицков, на месяц хватало. Пропишутся в столице, а потом — прощай, родимые! Форму в каптерку и — на штатские хлеба. Любопытно будет узнать, на сколько ты удержишься?

— На всю жизнь! — крикнул Саша и побежал к выходу.

Еремеич долго еще смотрел вслед милиционеру, застыв в напряженной позе, потом произнес:

— Жизнь-то, она свое слово скажет...

Он повернулся и тяжелой походкой направился к камерам, где ждал его тяжелый трудовой день.

Не знаем, обратил ли кто из москвичей внимание на молоденького милиционера, появившегося в тот ранний утренний час на Октябрьской площади. Вернее всего, нет. Но Александру казалось, что сотни, тысячи глаз устремлены на него. Они высвечивают, словно прожекторы, следят за каждым шагом, каждым жестом. И от этого шаги становились скованными, неестественными. Проходя мимо парикмахерской, Саша украдкой взглянул в зеркало и, увидев свое отражение, расстроился: «Будто аршин проглотил. Нет, так нельзя! Что это я все о себе думаю? Как выгляжу, как иду. Не для этого меня сюда направили. За порядком следить нужно. И почему обязательно все должны смотреть на Попрядухина? Мало милиции в Москве, что ли! Как учил Равчеев? «Выйдя на пост, прежде всего осмотрись».

Так он и сделал. Подошел к газетному киоску и, притулившись в уголок, окинул взглядом площадь. Словно пирог, резали ее мчащиеся во все стороны яркие легковые автомобили. Натруженно гудели самосвалы, несущиеся по Садовому кольцу. Уютно шелестели штангами голубые троллейбусы, спешившие доставить пассажиров на юго-запад и в центр.

Но магистраль не его сфера. В стеклянном «стакане» сидит инспектор ГАИ, вот ему и подчиняется движение транспорта. Забота Попрядухина — тротуары, подземные переходы, магазины...

Стоило овладеть собой, как мысль заработала четче, целенаправленнее... Вспомнились слова наставника: «Важно не растеряться, не распылить своего внимания. Нужно выработать систему несения службы. Выбери объекты, требующие наибольшей заботы, что ли. В часы «пик» — это переход. В вечернее время «опекай» продовольственные магазины — сюда потянутся выпивохи. А где водка, там могут возникнуть скандалы...»

Шел девятый час... Народ из метро валом валит: спешат люди на работу. Саша стал пристальнее приглядываться к ним, старался угадывать профессию. А что тут угадывать! Мимо проходили в основном служащие да студенты. Для рабочей Москвы час был уже поздний. Отметил милиционер в людском потоке и приезжих: мечутся, по сторонам смотрят. Саша улыбнулся: «На меня похожи, тоже не в своей тарелке».

Кто-то тронул Попрядухина за рукав. Оглянулся — старичок с ноготок, в кирзовых сапогах, в рубаше домотканой, с льняной бородой. Ну прямо из прошлого века прибыл. Голосок елейный, сладкий:

— Голубчик, до Загорска как мне добраться?

Вот тебе и раз! Первый вопрос — и он не может ответить, не знает, как ехать в этот самый Загорск. Так и ответил:

— Не знаю, дедушка.

Дед нахмурился и уже без всякой елейности пробурчал:

— А еще милиционер!

«И в самом деле никакой я еще не милиционер, — невесело подумал Саша. — Ко мне сейчас что к пню бессловесному обращаться. Нет, обязательно и в кратчайший срок нужно изучить Москву. Сначала по справочнику, а потом побывать самому везде...»

Он достал из кармана записную книжку и сделал пометку.

Ухо резанул призывный, напористый крик:

— А ну, кому астры! Самые лучшие, только что срезанные!

Видит, у самого перехода баба здоровенная корзиной цветов загородилась, только голос и слышен. Подошел, откозырял и произнес, как учили:

— Гражданочка, вы нарушаете постановление Моссовета. Торговля цветами разрешена только на рынках.

Баба глядела на него с недоумением:

— Что, новенький?.. — наконец спросила она.

— Выходит, новенький...

Баба прыснула:

— Известно, новая метла по-новому метет. — Она подхватила корзину и юркнула в туннель.

На тротуаре становилось свободнее. Многоликий людской поток иссяк, как иссякают бурные горные реки, едва солнце перестает плавить ледники. Москвичи теперь задерживались у киосков, заходили в будки телефонов-автоматов, дожидались кого-то. Один такой ожидающий показался почему-то Попрядухину подозрительным. То ли оттого, что на правой руке его ясно выделялась татуировка, то ли потому, что он беспрестанно поглядывал на часы и воровато (опять-таки по мнению Александра) шарил глазами по прохожим.

Во всяком случае Саша стал незаметно наблюдать за парнем. Чем выше поднималось солнце, тем заметнее нервничал незнакомец. Он уже не стоял на месте, а лихорадочно вышагивал от метро до гостиницы «Варшава» и обратно.

У Саши заныло под ложечкой: «Точно, жулик какой-то, ждет напарника. Брать их или проследить, куда пойдут?»

«Напарником» оказалась молоденькая девушка, совсем девчонка, с ослепительно рыжими волосами, перехваченными сзади наподобие конского хвоста. Она стремительно подошла к парню, сунула ему в руки увесистую сумку, что-то сказала и поспешила по направлению к Ленинскому проспекту. Парень за ней. Попрядухин за ними. Преследовать он умел тихо, незаметно, прячась за спины прохожих, за выступы домов. Правда, идти пришлось совсем недалеко. Двое подозрительных неожиданно свернули в подворотню и спрятались за покосившимися железными воротами. Милиционер остановился. И тут до него совсем отчетливо донеслись слова:

— Вот всегда так случается, когда спешишь.

— Ну разве я виноват, что у тебя каблук сломался?

— Виноват не виноват, а что делать? Через полчаса мы должны быть у Пети. В ЗАГСе не ждут.

«В ЗАГСе? При чем же здесь ЗАГС? — удивился Саша, а затем вдруг засмеялся, да так, что прохожие обернулись. — Какой же я дурак! Люди к друзьям

на свадьбу спешат, а мне почудилось — преступники. Вот посмеется дядя, когда расскажу».

Он вернулся к облюбованному месту у газетного киоска. Здесь его ожидал сюрприз. Равчеев.

— Товарищ майор, за время моего дежурства никаких происшествий не произошло! — вспомнив воинский устав, выпалил Попрядухин.

— Ну зачем же так громко... — с улыбкой произнес Иван Григорьевич. — Распугаем мы с тобой народ. — Он пригласил жестом милиционера следовать рядом. — Так, значит, ничего не произошло? Тихо, стало быть?

— Так точно!

— Это здорово, когда тихо. Лучшего в нашем деле и придумать нельзя. Только вот... — Майор хотел что-то сказать, но, посмотрев на довольное лицо подчиненного, решил промолчать. — Да ладно, в другой раз. Продолжай нести службу. Помощь не требуется?

Саша удивился: — Какая помощь?

— Считаешь, что все в порядке?

— Вроде так, — уже не совсем уверенно ответил Саша.

— Тогда до свидания.

...Нефедов и впрямь зашелся смехом, когда Александр за ужином рассказал ему о «преследовании».

— Значит, в подворотню они? — отдышавшись, проговорил старшина.

— В подворотню.

— И ты за ними?

— Да нет, только до ворот.

— Ох, не могу! Небось думал, что в сумке товар какой, а может, краденое?

— Думал, это самое...

— А они на свадьбу торопились?

— Торопились.

Дядя опять засмеялся. Но вдруг лицо его приняло серьезное выражение. Уже без всякой шутки он проговорил:

— То, что за честными людьми шел понапрасну, — полбеды. В конце концов, на них не написано, кто они. А наше дело — лишний раз проверить. Беда в другом. Зачем Манькову отпустил?

— Какую Манькову?

— Да спекулянтку, что цветами торговала!

— Так ведь я ее предупредил, и она ушла.

— «Ушла-а»... — передразнил Александр Васильевич. — На другую сторону перешла и там преспокойно драла деньги с людей, пока машина наша патрульная не прибрала ее. А ведь пост-то твой.

— Думал, поняла она все... — попытался оправдаться Саша. Теперь он понял, о чем хотел ему сказать майор, да, видимо, пожалел для первого раза. — Опростоволосился, значит, — виновато закончил фразу Александр.

— В том-то и дело. Проследить нужно было, как выполнит Манькова твое указание. — Ну да ладно, для начала вел ты себя молодцом, — голос Нефедова опять смягчился. — Будешь милиционером, племянник. Равчеев так говорит, а он

слов на ветер не бросает.

Пуля, которой не было

Александр Попрядухин. *Когда мне предложили стать участковым инспектором, я недолго колебался. Дал согласие. Давно этой службой интересовался. Живая она. Все время среди людей. И с горем к тебе идут и с радостью... за советом и за помощью...*

В дежурку забежал молоденький сержант:

— Попрядухин, к начальнику отделения!

«С чего бы это, — думал, шагая по длинному коридору, Александр, — вроде никаких промашек не допускал в последнее время, чтобы «на ковер» вызывать. Впрочем, разве за собой все уследишь. Без причины начальство не требует к себе».

Осторожно приоткрыв дверь, Попрядухин спросил!

— Разрешите войти, товарищ подполковник?

— Заходи, заходи, присаживайся...

В кабинете кроме начальника находились Равчеев и участковый инспектор Зорин. Они продолжали, видимо, давно начатый разговор. В тот момент, когда появился Попрядухин, Зорин задал начальнику вопрос:

— Почему молодежь интересуют профессии геологов, археологов, географов?..

— Наверное, потому что они обещают поиск и реальный конечный результат.

— Правильно, товарищ подполковник. А где поиск, там и романтика. Честно говоря, меня в милицию тоже романтика привела. Также хотелось поиском заняться. И возможности есть, в уголовном розыске например, в следствии...

Равчеев перебил инспектора:

— А в службе участкового нет?

— Нет.

— Эх ты, Зорин, романтическая душа! Не понял своего дела. Ведь у тебя на участке столько трудных людей со сломанными судьбами, со сложными характерами! Разве никогда не хотелось тебе поискать в их душах нечто хорошее, святое, на что опереться можно? Такой поиск подороже геологического ценится. Там с мертвой породой дело имеешь, а здесь с живым человеком, который на распутье. От успеха твоего поиска часто зависит, станет ли он на правильную дорогу или скатится в болото преступности.

— Это очень сложно для меня, товарищ майор... — Смущенно произнес Зорин.

— Потому ты и подал рапорт о переводе в другую службу?

Александр стал догадываться, зачем его пригласили. Еще накануне Зорин намекнул о том, что, может быть, сдаст участок ему, Попрядухину.

Начальник отделения решил закончить разговор:

— Ладно, Зорин, насильно держать тебя на участке не собираемся. Жилка в тебе оперативная есть, попробуй заняться розыском. Ну а дела передашь

Попрядухину, если, конечно, у него не будет возражений. — Подполковник взглянул на Александра: — Не будет, сержант?

Александр быстро поднялся со стула, но не ответил. Он был несколько растерян и не сразу нашелся, что сказать. Как всегда, выручил наставник.

— А разве могут быть возражения у солдата, которому открывается путь к генеральским звездам? — пошутил Равчеев.

— Это точно, — подхватил мысль майора начальник отделения, — участковый инспектор — первая офицерская должность у нас. Ответственная должность.

— Вот этого я и опасаясь, — произнес наконец Саша.

— Чего? Ответственности?

— Нет, трудностей. Справлюсь ли, хватит ли знаний...

— Майор рекомендует, значит, верит в тебя. Так что не робей и завтра же выходи на участок. Будут трудности — поможем. Да и сосед там у тебя толковый, старый служака, советом не поскупится. Значит, порешили?

— Так точно!

— Вот и хорошо.

...Нынешнему участковому инспектору столицы, имеющему отдельный кабинет в опорном пункте или, в худшем варианте, комнату при ЖЭКе, трудно представить, что его коллеге каких-нибудь пятнадцать лет назад приводилось задавать себе с утра вопрос: где приткнуться сегодня? Хорошо, если коммунальные работники предложат стол в конторе, а то и того не было. Приходилось людей либо в отделение приглашать, либо встречаться с ними в квартирах. А где собрать активистов? Где просто над документами посидеть? Дома? Так он, как правило, на другом конце Москвы. Но Саше, можно сказать, повезло. Начальник ЖЭКа, Семен Тихомирович, выделил ему место. Постоянное, в красном уголке. Так что жильцы знали, где можно в случае чего отыскать участкового. А на первых порах, как это ни грустно, пришлось Попрядухину, человеку по натуре деятельному, привязаться к стулу. Массу бумаг оставил Зорин: книги учетов, планы, списки... Одним словом, канцелярия, в которой требовалось основательно разобраться.

А в красном уголке особенно не сосредоточишься. Только решил заняться подучетниками, теми, от кого неприятностей ждать приходится, ввалились трое шумных пенсионеров с рулоном ватмана — редколлегия. Заспорили: помещать карикатуру в стенную газету или нет? Только смолкли — врывается какой-то молодой человек с шевелюрой как у Анжелы Дэвис:

— Вы надолго здесь расположились?

Вопрос этот и к участковому, и к пенсионерам.

— А что?

— Нам шахматный турнир проводить нужно.

Шахматный турнир! Значит, подучетников на сегодня — побоку. Впрочем, можно пойти в отделение. Саша стал собирать бумаги.

И вдруг словно вихрь ворвался в комнату. Сшибая на ходу стулья, к инспектору приближалась женщина. Растрепанная, с пунцовым лицом, с диким испугом, застывшим в широко раскрытых глазах, Подойдя к столу, она опустила на него свои мощные кулаки и перевела дыхание.

— Что ж это делается? — каким-то тонким голоском, никак не вяжущимся с крупной фигурой, спросила она. — Что ж это делается? Уважаемый товарищ милиционер, вроде бухгалтера, над амбарными книгами в теплом местечке устроился, а на улице стрельба!..

При последних словах пенсионеры оторвали головы от листа ватмана, наострили уши. Тот, с черной шевелюрой, подскочил к столу. Попрядухин понял, что может разразиться скандал, и перехватил инициативу.

— Успокойтесь, пожалуйста, и объясните, что случилось... Мы, честно говоря, стрельбы не слышали.

— Услышишь здесь, за метровыми стенами!

— Так все же кто и где стрелял?

— Каких-нибудь десять минут назад выстрелили в окно моей квартиры... Вы слышите, граждане! — обращаясь уже к пенсионерам, перешла на крик женщина. — Ну чем не Техас у нас! Бродят вооруженные ковбои, а товарищ инспектор у меня спрашивает: «Кто стрелял?» Уж будьте любезны вы сами ответить на этот вопрос и оградить меня от посягательств!..

— Значит, стреляли в окно? — не теряя выдержки, спросил Александр.

— Я же русским языком сказала.

— Как ваша фамилия, имя, отчество?

— Вы перепутали, милейший, не я стреляла, зачем же меня допрашивать?

— Данные, которые я прошу сообщить, нужны для протокола.

— Ну хорошо! — Посетительница назвала свою фамилию.

Попрядухин вспомнил, как Зорин, предупреждая об этой семье, говорил: «Муж — видный человек, жена — скандалистка». Характеристика нелестная. Но в данном случае, если выстрел произошел на самом деле, состояние женщины можно было понять. Если произошел...

— Извините, пожалуйста, — произнес инспектор, — я должен позвонить в отделение, сообщить о случившемся.

Женщина грузно опустилась на стул, вытащила из сумки жестяную коробочку с валидолом, сунула таблетку под язык.

Один из пенсионеров услужливо предложил:

— Может быть, нитроглицерин?

— Ах, не надо!..

Через минуту Попрядухин вернулся в комнату:

— Я готов...

Они пересекли двор и подошли к массивному зданию, прятавшемуся в его глубине. Уже стемнело, И деревья, подсвеченные холодными огнями окон нижних этажей, казались искусственными, как на сцене. И все, что произошло минут десять назад в красном уголке, представилось вдруг Попрядухину фрагментом плохого спектакля: известие о выстреле, настороженные лица пенсионеров, визгливый говор женщины. Все неестественно, все театрально. Однако посетительница шла рядом. Здесь, в полумраке и тишине двора, она, правда, растеряла свою воинственность, испуганно жалась к сержанту.

Вот женщина дернула Попрядухина за рукав:

— Нам нужно зайти с Донской улицы, мое окно третье на втором этаже.

Обогнули дом. Попрядухин поинтересовался:

— Ваше то, что не освещено?

— Конечно, я сразу же погасила свет.

Они подошли к кустарнику напротив окна. Сержант зажег фонарь. Ничего примечательного увидеть в его свете не удалось. Даже трава нигде не примята.

— Вы сказали кому-нибудь во дворе про выстрел? — спросил Александр.

— Я ни с кем здесь не общаюсь.

«В данном случае это даже хорошо, — подумал Попрядухин, — зеваки топтаться не будут». Он огляделся. Напротив дома через улицу стояло старое строение. Сержант уже знал, что там производственные мастерские профессионально-технического училища...

Женщина снова дернула сержанта за рукав:

— Здесь вы не увидите главного!

— Главного?

— Именно. Дырку.

— Отверстие, сделанное пулей, вы хотели сказать?

— Мне право же не до таких тонкостей. Идемте ко мне в квартиру.

Попрядухин согласно кивнул.

Квартира, в которую они попали после долгого отпирания многочисленных замков, поразила Александра своей роскошью. Раньше подобное он видел лишь в музеях. Свет, родившийся от легкого нажатия на выключатель, тут же весело заиграл в хрустале люстры.

«Это в прихожей-то!..» — подумал сержант. Но в прихожей был и телевизор, и какая-то огромная ваза, расписанная китайскими домиками, и причудливый диванчик на гнутых ножках. Впрочем, и называлось все это не прихожей.

— Не будем задерживаться в холле, прошу вас в гостиную.

Саша хотел было и здесь зажечь свет, но женщина его опередила:

— Ни в коем случае! Они нас увидят!

Она метнулась к окну. Порывисто раскрыла его и тут же задернула шторы. Таким образом, стекла оказались внутри помещения, а окно задернулось плотной тканью.

— Теперь зажигайте!

В комнате теснились вещи, дорогие и массивные. Будь Попрядухин человеком более искушенным, он уловил бы в их нагромождении отсутствие вкуса у хозяев. Ценные картины соседствовали с дешевыми фарфоровыми статуэтками — изделиями ширпотреба; на модной по тем временам горке лежали аляповатые салфетки. Дисгармония ярких цветов, господствующая в гостиной, раздражала. Однако в данный момент Александр ни на что не обращал внимания. Его привлекло оконное стекло. В центре его и на самом деле красовалось маленькое аккуратное отверстие. Слишком маленькое, чтобы его могла оставить пуля, выпущенная из боевого оружия, но в то же время вполне соответствующее крупной дроби или, скажем, малокалиберной пуле. Впрочем, каким образом появилась дырка, ответить сможет лишь эксперт. Попрядухин кинул взгляд на пол: не валяется ли что-нибудь?

Хозяйка поняла его:

— Я уже все обыскала, ничего не нашла.

— Странно... А выстрел вы в самом деле слышали?

— Кажется, был. Впрочем, я в этот момент была на кухне. Вода текла..

— Ясно...

За окном раздался шум автомобильного мотора. «Наверное, наши приехали», — подумал инспектор. И точно, некоторое время спустя в квартире раздался звонок.

— Кто это еще? — испугалась женщина.

— Видимо, милиция, — успокоил ее Попрядухин и направился к двери.

Как оказалось, прибыла оперативная группа райотдела. Никого из прибывших инспектор не знал. Попросил предъявить удостоверения.

— Бдительность проявляешь?

— Порядок такой...

— Правильно, я эксперт Кривин.

— Слыхал.

— А это товарищ из уголовного розыска. Что обнаружил, инспектор?

— Да вот...

Попрядухин подвел эксперта к окну. Сотрудник угрозыска, прихватив хозяйку, отправился в соседнюю комнату. Побеседовать.

Кривин, внимательно прищурив глаза, осмотрел отверстие, сделал замеры. Покачал головой:

— Странно, калибр нестандартный.

— Я тоже так подумал. А малокалиберный не мог быть?

— Нет. Скорее всего из самоделки стреляли. Впрочем, их делают под существующие промышленные боеприпасы. М-да...

Кривин еще раз взгляделся в дырку:

— С большой силой летело...

— Что летело? — не понял Саша.

— Пока сам не знаю...

— Я тут, товарищ эксперт, осмотрел место под окнами. Ничего существенного не заметил.

— Так и должно было быть.

— Почему?

— Траектория полета не та. Стреляли либо с большого расстояния, либо сверху.

— Как это «сверху»?

— Из соседнего, скажем, дома. Этажа с третьего. Но это все предварительно. Надо бы нам на полу пошарить...

— Можно.

Но едва они взялись за горку, чтобы отодвинуть ее, как в гостиную ворвалась хозяйка.

— Ни в коем случае, там посуда уникальная, саксонский фарфор!

— А как же нам поискать пульку? — удивился эксперт.

— Как хотите, только не двигайте мебель.

На следующий день Попрядухина вызвал Равчеев.

— Что же у тебя на участке происходит, Александр Иванович? — несколько официально, но с заметной иронией в голосе начал майор. — Стрельба по вечерам... Такого у нас, чтоб не соврать, лет десять не отмечалось.

— Ознакомились, товарищ майор?

— Если бы только я, из министерства уже звонили.

— Из министерства? — удивился Попрядухин. — Вот чертова баба, туда уже добралась!

— Добралась и высказала неудовольствие нашими действиями. Медлите, говорит. Час, дескать, провели у меня в квартире и уехали восвояси.

— Так ведь мы...

— Знаю, не оправдывайся, не затем вызвал. Мне звонил Кривин. Убежден, огнестрельного оружия не было. Ребята из угрозыска опрос произвели — никто выстрела не слышал.

— Вот и мне то же самое люди говорили.

— Не перебивай. Допустим, ни из пистолета, ни из ружья, ни из самоделки не стреляли. Но ведь дырка-то есть.

— Есть...

— И женщина, которая проявляет беспокойство, тоже, и заявление ее. Значит, по делу надо работать. Предстоит выяснить: то ли это преднамеренное хулиганство, то ли шалость. Одним словом, засучивай рукава.

— Как, я?

— А то кто же. Считай, первое твое дело. Понимаешь ли, в райотделе считают, и мы с этим согласны, что серьезного здесь ничего нет. Оперативных работников отвлекать от более важного сейчас не имеем возможности. И в тебя верим. Давай-ка вместе подумаем над планом мероприятий... Кстати, занимаясь расследованием, ты лучше изучишь участок, поближе познакомишься с людьми...

Около полудня Попрядухин появился во дворе злополучного дома. В ярком свете двор казался шире и наряднее. И не было гнетущей, чопорной тишины, что поразила участкового в тот поздний вечер, когда случилось происшествие. Двор жил. По аллеям носилась ребятня, веселое щебетание раздавалось возле кустов, под которыми находились песочницы. Из затененного укромного уголка сада долетала звонкая дробь, что отбивали костяшками на столе пенсионеры-доминошники. Их младший лейтенант уже знал: утром довелось побеседовать. Никто из стариков не помог прояснить картину. Говорили, правда, что «потерпевшая баба склочная. Видать, кому-то насолила, ну и... Однако, чтобы выстрел... Нет, такого не слышали, да и кто стрелять будет, разве что пацаны-озорники? Так откуда у них пистолеты?»

Равчеев в отделении сказал:

— Займись для начала профессионально-техническим училищем, там есть группа трудных подростков...

ГПТУ вот оно, сразу за палисадником, лишь узкая улица отделяет его от жилого дома. Попрядухин прикинул расстояние от здания до окна квартиры

потерпевшей. Метров тридцать.

— Чего примеряешь? — раздался неожиданно за спиной участкового голос.

Александр обернулся и с радостью увидел своего соседа по участку. С радостью, потому что сам думал зайти к нему за помощью.

— Василий Леонтьевич! Здравствуйте!

— Добрый день! Слышал, слышал про твое «ЧП». Значит, думаешь ремесленниками заняться? — Шурыгин по давней привычке называл учащихся ГПТУ ремесленниками. — Что ж, возможно. Озорники там есть. Однако сегодня ребята в подшефном колхозе. Так что туда можно не ходить. — Стерший лейтенант махнул рукой в сторону училища. — Дам-ка я тебе пока другой адресок...

Василий Леонтьевич присел на скамейку, положил на колени планшетку. Неторопливо расстегнул кнопки, достал лист бумаги.

— Да ты что стоишь, присаживайся! — пригласил он Попрядухина.

Александр опустился рядом с Шурыгиным. Тот карандашом написал на бумаге несколько слов и протянул ее собеседнику.

— Вот в этой квартире, что я указал, живут два лоботряса. Всего от них ждать можно. Тем более что они с той рамой гражданкой, у которой разбили стекло...

— Не разбили... — хотел было поправить старшего лейтенанта Саша.

Но тот повторил упрямо:

— Разбили. Другого быть не может. Так вот, они с ней частенько ругаются. Ты бы сегодня навестил их.

— Как, сейчас? Время-то вроде рабочее...

— По моим данным, они снова тунеядствуют, так что застанешь.

Шурыгин тяжело, по-стариковски поднялся со скамейки и, не сказав больше ни слова, степенно пошел по аллее...

Про Василия Леонтьевича Александр много хорошего наслышался. «Легендарная личность, — говорили в отделении. — С войны все на одном участке. Как-то пробовали перевести на другой, так жители взбунтовались, делегацию направили в райисполком: не надо, дескать, нам никого, кроме Леонтьевича. Вот ведь какой авторитет завоевал». «Большой житейской мудрости человек! — уважительно отзывался о Шурыгине Равчеев, а майор был скуп на похвалу. — Самородок! Вроде бы и школ никаких не кончал, а поди ты, как умеет разговаривать с людьми! С другим оперативники день, второй бьются, и никакого толку. А посидит с ним Василий Леонтьевич часок — и все как на духу выложите Удивительно... И обо всем все знает».

«Это точно», — подумал Попрядухин, читая адрес, оставленный на маленьком листке ветераном. Отметил про себя: «Грохотовы. Громкая фамилия...»

На двери — табличка. Написано, сколько кому звонить. Грохотовым — три раза. Нажал трижды кнопку. За дверью — прерывистая трель. Однако никто не вышел. Еще нажал — и снова ничего. Может быть, ошибся Шурыгин? Попробовал еще раз. Подольше задержал палец на кнопке. Наконец-то там, за дверью, послышались какие-то странные хлопающие звуки, словно босыми ногами кто-то по камню топал. Затем в квартире загремело что-то. Донеслось бранное слово. И вот дверь приоткрылась. Выглянула заспанная небритая

физиономия с копной густых, находящихся в диком беспорядке волос. Хриплый голос спросил:

— Что надо?

Не успел Попрядухин ответить, как дверь распахнулась во всю ширь. Видимо, человек в форме произвел на мужчину отрезвляющее действие.

— Проходите, гражданин начальник! — прохрипел он.

Признаться, с не особенно приятным чувством перешагнул Александр порог. Человек, пригласивший его, вызывал одновременно и чувство брезгливости своей неопрятностью, и чувство тревоги злым выражением глаз. Он был на голову выше участкового, широк в плечах, жилист. Резкий сивушный запах сопровождал его.

Мужчина, отступив несколько в глубь коридора, спросил:

— Вы, собственно, к кому?

— К Грохотовым.

— Грохотовы — это мы. Я и брательник Витька.

— Он тоже дома?

— А где ж ему быть. Сопляк еще, бутылку выжрал и до сих пор очухаться не может. Да, собственно, сами убедиться можете. Идите за мной.

Неуверенно переставляя босые ноги, мужчина двинулся по коридору. По пути он зло отшвырнул перевернутый стул. «Вот что громыхало», — отметил Попрядухин. Комната Грохотовых была последней. И они пробирались к ней среди нагромождения всякого хлама, при тусклом свете единственной лампочки довольно долго. Но когда дошли до цели, когда Грохотов-старший распахнул ногой дверь, Александру показалось, что коридор не кончился: в комнате в таком же беспорядке громоздились старые, словно подобранные на свалке, вещи. Тот же полумрак господствовал в ней. И еще тяжелый, сдавливающий дыхание воздух. Окно было закрыто и зашторено.

— Нельзя ли проветрить?

Грохотов удивился:

— А что, душно?

— Очень.

Луч света, ворвавшийся в комнату, упал на лицо парня, лежащего на полу в неестественной позе.

— Брат? — поинтересовался инспектор.

— Точно! Витек. Да вы присаживайтесь. — Грохотов подвинул Попрядухину табурет. — Извините, стульев не имеем. Так по какому делу к нам?

— Я ваш новый участковый инспектор.

— Очень приятно.

— Это уж потом будет видно, приятно или нет.

— Так я к тому, нас первыми посещаете. Честь все-таки, — В словах Грохотова сквозила явная насмешка.

— Честь-то небольшая, — не меняя серьезного спокойного тона, продолжал младший лейтенант, — коль скоро милиция вас посещать должна. Обидно, что два таких здоровых человека к делу не пристроены.

— По душе не находим, начальник.

— А искали?

— Как вам сказать... — Грохотов взял со стола стакан с водой и с жадностью отхлебнул...

— Тут и говорить нечего. Не искали. Но я вас предупреждаю: бездельничать не позволю. Сами не можете устроиться на работу, помогу. Но чтобы вот так жить, — Попрядухин повел рукой, словно призывая Грохотова осмотреться, — не позволим!

— Не кипятись, начальник. Приду в себя — обмозгуем это дело.

— Обмозгуем, А сейчас я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Каких же?

— С гражданкой Кисловой знакомы?

— С Кисловой? Это Брюжит Бордо, что ли, из соседнего подъезда?

Попрядухин удивился:

— Чего это вы ее так прозвали?

— Грудастая больно и вечно брюжит. Вот и лаемса с ней.

— А из-за чего больше?

— Поучать любит, милицией постоянно грозит.

— Так... — протянул Александр и тут же без видимого перехода задал главный вопрос, ради которого, собственно, и пришел: — А где вы были вчера вечером?

Грохотов, чувствуя себя все время как-то скованно, напряженно, облегченно вздохнул:

— Не по адресу пришли, гражданин начальник. В деревню ездили, к родным. Вернулись утренней электричкой. Можете проверить.

— Проверим. — Дальнейший разговор в этой обстановке не имел смысла. Александр поднялся. В тот же момент лежащий на полу Витька что-то забормотал, ну совсем как малыш во сне. — Брата бы пожалели, Грохотов, пацан еще совсем. Сопьется — худо будет.

— Витька-то?.. — с какой-то неожиданной грустью переспросил хозяин комнаты. — Я же сказал, начальник, обмозгуем...

В последующие дни, пока Александр занимался «делом о выстреле», Витька Грохотов, восемнадцатилетний парень, не выходил у него из головы. «Помочь надо, обязательно помочь», — решил участковый и попутно с расследованием обзванивал десятки предприятий, учреждений, которые могли бы заинтересоваться судьбой юноши. Просил, убеждал, настаивал. Встречался с ответственными людьми, делился своими планами устройства юноши. Да и о его старшем брате не забывал: тоже человек не пропащий. В общем, инспектор действовал. Но и Кислова проявляла энергию. Жала на все инстанции. Равчеев нервничал:

— Что же ты, Александр Иванович, подводишь?

— Убежден я, товарищ майор, пэтэушники созорничали...

— Докажи.

— Да вот вернуться они должны из колхоза...

— Вернулись!.. — спокойно и в то же время с заметной радостью сообщил как-то при встрече в отделении Попрядухину Шурыгин.

— Вот здорово! — только и ответил младший лейтенант и, забыв, зачем

пришел в «контору», бросился назад, на улицу, к троллейбусу.

Ребят построили в просторном коридоре. Сначала директор училища, солидно откашлявшись, представил:

— Товарищи курсанты, к нам в гости пришел участковый инспектор младший лейтенант милиции Александр Иванович Попрядухин.

Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Как же, ходит милиция в гости!..

Саша решил взять инициативу в свои руки:

— Ходит милиция в гости, могу вас уверить, и чай пьет, с вареньем, и что покрепче. Но действительно, сегодня я к вам пришел не чай распивать. Вот какое дело приключилось...

И он доверительно стал рассказывать ребятам о происшествии. Рассказывал, а сам внимательно прощупывал взглядом строй. Перед ним стояли юноши: высокие и стройные, не по возрасту полные и угловатые, с коротко стриженными волосами и шевелюрами «а ля битлз». У одних на устах блуждала усмешка, у других на лицах читался неподдельный интерес. Кое-кто вообще проявлял безразличие и бестактно болтал, несмотря на окрики директора. Одним словом, разные. А он должен найти слова, одинаково доходчивые для всех.

Саша говорил и в то же время думал: удастся ли ему высечь из ребят хотя бы искру правды, завоевать их расположение? Ведь такое для него новое дело вот так, с глазу на глаз, беседовать с сотнями подростков. Тут педагогом надо быть. Какой ключик подобрать?

Кончился рассказ. Строй молчал, даже те шептуны притихли. Инспектор понимал: сейчас в строю действует один закон, закон круговой поруки, очень живучий, рожденный ложным понятием о товариществе. Чтобы кто-то решился его нарушить, нужны убедительные слова. Найдет ли он их?

— Значит, молчим? — Это сказано для . подхода. А дальше? Интуиция подсказывала, можно говорить все, кроме угроз. — Ну ладно. Экспертиза точно установила, что бросали какой-то предмет из здания ПТУ. Но вы не хотите выдать озорника. Понимаю, ябедником слыть никому не охота. Но вы-то поймите, нам истину нужно знать. Чтобы успокоить людей, чтобы не полз по кварталу слух о ночной стрельбе, чтобы озорство ваше не рождало паники у обывателя. И вообще, тоже мне героизм — из-за угла палить. — Попрядухин замолчал, а затем произнес убежденно: — Верю в то, что наберется смелости тот, кто взбаламутил воду, и выйдет вперед.

Строй молчал...

— Так, значит, никто и не отважился? — спросил вечером за ужином Нефедов. — Вот стервецы! Но ты правильно поступил, что не страшал. Ребят пугать — что улитку. Спрячется в раковину — и ничем не выковырнешь. Угрозами от пацанов путного не добьешься.

— А так добьешься? — голос Александра звучал уныло.

— Вот и слюни распустил. Все будет в порядке. Пошушуются пацаны вечерком, посоветуются и найдут тебя. Адрес-то, куда обращаться, не забыл им оставить?

— Не забыл.

Утром в отделении Попрядухина окликнул дежурный:

— Младший лейтенант, тут гости к тебе...

— Гости? — не сразу понял Александр.

А когда увидел в конце коридора группу ребят, едва не закричал от радости.

Пришли все-таки!

Да, это был первый успех молодого инспектора. Ставка на доверие оправдала себя. Подростки признались, что стреляли, по окну Кисловой из рогатки. Один из них для убедительности достал «оружие» из кармана. Александр потянул резину и не удержался от восклицания:

— Ого! Какая тугая!

Хозяин рогатки смущенно пробормотал:

— Целый месяц подбирал на свалке.

— А стоило ли для того, чтобы окно разбить?

Лицо подростка сделалось пунцовым.

Попрядухин продолжал:

— Лучше бы из этой резины эспандер себе смастерил. Мышцы бы накачивал. Небось сильными хотите быть?

— Кто не хочет... — ответили хором. — Только вот беда, что у нас физкультура лишь час в неделю.

— А кружки?

— Какие еще кружки? Так, банку иногда во дворе гоняем вместо футбольного мяча. Из-за банки все и вышло.

— Из-за банки? — удивился инспектор.

— А то из-за чего... Кислова нас гоняла, управдому жаловалась, директору нашему, ну и...

— И вы решили ей отомстить?..

Ребята потупили взор.

— Ну ладно, будем считать, что вы пришли с повинной, и для первого раза попросим поступок «стрелка» обсудить на комсомольском собрании. Так сказать, обойдемся мерами общественного воздействия. Но не забывайте, ребята, что на сей счет существует и статья уголовного кодекса... Не будем с ним конфликтовать... Даете мне слово?

— Какой разговор! Даем! — прокричали подростки.оборот дела, видимо, их вполне устроил.

После ухода ребят участковый записал в своем блокноте:

«Провести в ближайшее время беседу в ПТУ. Не забыть поговорить с директором о создании спортивных секций. Самбо взять на себя».

И собрался идти на участок. Но снова раздался голос дежурного:

— Попрядухин, к телефону! Нарасхват он сегодня.

Звонили с завода «Красный пролетарий». Из отдела кадров. Нашли место для Грохотовых. Пойдут в бригады к хорошим мастерам.

На редкость удачливый выдался день!

* * *

Александр Васильевич задержался у Доски приказов. Ознакомившись с последними новостями, улыбнулся: опять Сашку поощрили, хорошо идет служба у племянника.

Действительно, обстановка на участке Попрядухина улучшалась. Вот хотя бы такой пример. До прихода Александра в микрорайоне пять человек слонялись без работы. Теперь все по будильничку встают и спешат к заводским проходным. Пьяницы притихли, дебоширы квартирные знают: участковый спуску не даст. Попрядухин понимал, что это лишь первые шаги... Успехи должны множиться. Однако говорят, у человека лишь две руки, со всем не управисься... «И то верно, — думал младший лейтенант. — Нужно искать помощников». Добился того, что в каждом квартале у него появился внештатный инспектор. Активизировали действия дружинники. Часто Александр встречался со своими активистами. И передавал им то, что получил когда-то от Равчеева и Шурыгина. «Приходите ко мне не тогда, когда человек споткнулся, а когда заметите, что стал тот на скользкую дорожку. Нелады в семье, пристрастие к бутылке, связь с сомнительной компанией — вот повод для того, чтобы обратить внимание» — так учил инспектор людей.

Но и сам не забывал о главном резерве успехов — о знаниях. С тех пор как пришел в милицию, он, по сути, не прекращал учебы. Закончил курсы первоначальной подготовки, поступил в восьмой класс вечерней школы. Получил аттестат зрелости, подал заявление в институт. Настойчиво, целеустремленно познавал премудрости теории и практики. Бывало, придет в отделение с покрасневшими от бессонницы глазами, кто-нибудь скептически произнесет: «Стоит ли себя мучить? Или «поплавок» покоя не дает?» «При чем здесь «поплавок»? — ответит Александр. — Просто нельзя сегодня без знаний, будешь мыкаться, как слепой котенок, шараться из стороны в сторону. Знания, что компас, по прямой к цели ведут».

Пробудившееся стремление к новому, ставшее потребностью, регулярное знакомство с юридической и специальной литературой — периодическими изданиями пополняли «копилку» опыта. А значит, росла квалификация, оттачивалось мастерство. Уже через год работы инспектором докладывал Александр Иванович на партийном собрании, что число правонарушений на участке идет на убыль, что раскрываются все преступления. Конечно, в последнем больше «повинны» сотрудники уголовного розыска. Но без помощи участкового и его актива Шерлокам Холмсам было бы трудновато. А бывали случаи, когда Попрядухину удавалось изобличить преступника и до приезда оперативной группы. Ну хотя бы как в тот морозный декабрьский вечер.

Они тогда сидели вдвоем в красном уголке: Попрядухин и неутомимый редактор стенгазеты. Сергея Никоновича Полосихина Александр успел узнать довольно хорошо и даже подружился с ним. Беспокойный старик. Но до работы охоч. Вот так, «до последних известий», как любил выражаться редактор, засиживался он частенько над листом ватмана. Что-то клеил, рисовал, надписывал. Как говорится, сам себе художник, репортер и машинистка.

Уткнется носом в стол и, кажется, ничего вокруг не замечает. Так ведь нет, то и дело вопросы задает:

— Как думаешь, любезный Александр Иванович, если мы известную тебе Ангелину Петровну из второго подъезда изобразим, польза будет?

— Обязательно. Скандалистка. Разговоры на нее, разные там увещевания мало действуют. Попробуйте ударить по самолюбию. Должна же в ней совесть пробудиться?

— Так... А вот о братьях Грохотовых заметочку принесли: уборку в квартире плохо делают. Как с ней быть?

— Пожалуй, повременить можно. Люди только в себя приходиться стали...

— Так... — Сергей Никонович неожиданно оторвал взгляд от ватмана, посмотрел, чуть прищурившись, на инспектора: — Сдается мне, любезный, мягковат ты для милиции.

— Почему же? — удивился Попрядухин.

— До тебя участковые все больше на штрафы, на аресты напирали, а ты разговорами занимаешься там, где нужно власть употреблять.

— Разве власть только на штрафах и арестах держится? По-моему, власть авторитетом сильна. А авторитет на уважении строится. Верно?

— Вроде верно...

— Я беседами своими, или, по-вашему, разговорами, стараюсь уважение к милиции привить. Не хочу сплеча рубить. Разобраться в причинах человеческих слабостей стремлюсь, в конфликтах гражданина с законом. Когда пожар разгорается, тушить его трудно. Не лучше ли предупредить огонь?

— Так... — Редактор снова склонился над столом, и не понял участковый, убедил ли он собеседника. Скорее всего да. Ибо вскоре Сергей Никонович бросил довольно приятную для лейтенанта фразу: — Однако намного спокойнее у нас стало. Год кончается, а серьезных преступлений не было...

Сказал и — будто сглазил. Распахнулась дверь, и в ее проеме показалась дворничиха Фатима. Раскрасневшаяся, взволнованная, она тащила за собой кого-то.

— Иди, говорю! Вот она, милиция. На месте.

— В чем дело, Фатима? — спросил Попрядухин.

— В ней дело. В девчонке вот этой. — Дворничихе наконец-то удалось сдвинуть с места и подтолкнуть в комнату насмерть перепуганную девушку. Бледная, худенькая, она была в одном легком платьице. То ли от холода, то ли от страха ее бил озноб, будто в лихорадке.

Сергей Никонович с удивительной для его возраста легкостью подхватил два стула и двинулся навстречу неожиданным гостям:

— Садитесь, пожалуйста!

— Садись! — приказным тоном произнесла Фатима.

— Так в чем же дело, Фатима? — повторил свой вопрос инспектор. Вид той, кого привела дворничиха, вызывал у него тревогу.

— Бежит она, товарищ инспектор, по двору, как шайтан какой, и прямо на меня. «Куда?» — спрашиваю. Молчит. Трясется только. «Куда?» — повторяю. Одно слово сказала: милиция. Ну я и привела сюда.

— Подайте ей воды, Сергей Никонович...

— Сию минуточку...

Зубы девушки выстукивали дробь о край стакана. Лишь после долгих усилий удалось ей сделать глоток. Лейтенант понимал: случилось что-то из ряда вон выходящее, если почти раздетый человек выбегает на мороз, если страх сковывает его речь. Значит, дорога каждая секунда.

— Пожалуйста, девушка, — почти с мольбой обратился он, — скажите, зачем вам нужна милиция?

Девушка передала Попрядухину стакан и судорожно раскрыла рот. Порывисто вздохнула и чуть слышно произнесла:

— Они хотели меня... они... сняли с меня одежду, кольцо... отняли сумку...

— Кто они?

— Не знаю...

Уютная обстановка уголка, участие незнакомых людей, присутствие человека в милицейской форме, видимо, успокаивающе действовали на пострадавшую. Страх покидал ее. Она обретала возможность мыслить и говорить. Попрядухин решил как можно скорее этим воспользоваться. Он задавал быстрые, короткие вопросы:

— Где вас ограбили?

— В квартире.

Дело обретало неожиданный оборот.

— В чьей квартире?

— Не знаю.

— Как вы в ней оказались?

Девушка довольно путано стала объяснять, что на прошлой неделе на танцверанде в парке имени Горького познакомилась она со своей сверстницей. Галиной ее зовут. А ее — Ритой. Так вот, Галина сегодня пришла в парк с двумя молодыми людьми. Ребята с виду совсем приличные, у одного даже значок мастера спорта. Ну потанцевали немного. Распили бутылочку портвейна. Затем один из парней предложил «совершить поход на его хату, музыку послушать, благо предки в отъезде». Взяли такси и поехали. В квартире и правда никого не было. Распили еще бутылочку. Ну а потом тот, что со значком, полез к ней, она закричала. Тогда они раздели ее и вытолкнули за дверь, да еще пригрозили: «Пикнешь — с ножичком познакомишься...»

— В этом доме все произошло?

— Нет, я бежала через один двор, затем другой. Нигде людей не было.

— А вообще, дом, подъезд, номер квартиры можешь вспомнить?

Девушка отрицательно замотала головой.

Сергей Никонович протянул:

— М-м-да...

В душе Попрядухина боролись противоречивые чувства: с одной стороны, ему хотелось снять ремень и по-родительски отстегать эту девчонку-подростка, которая вот так, за здорово живешь, распивает на танцверанде бутылку, затем едет на квартиру к совсем незнакомым людям. Чертовская легкомысленность. Распущенность даже. С другой — девчонка-то с характером, не уступила насилию. Вступилась за честь свою и пострадала. Но чувства чувствами, а действиями инспектора в данный момент уже руководили не они, а то, что стояло

над ними — долг. Служебный долг милиционера, обязывающий немедленно откликнуться на зов человека о помощи, независимо от того, симпатичен тебе этот человек или нет.

Для первого шага требовался хотя бы минимум — приметы грабителей.

— Вы можете обрисовать нам парней?

— Очень приблизительно, я так мало с ними была знакома.

— Давайте приблизительно.

— У того, мастера, пиджак яркий, в полосочку, волосы светлые, длинные, завиваются на концах...

— А что-нибудь запоминающееся в лице?

Девушка задумалась.

— Нет, какое-то бесцветное. Ощущение такое, что пиджак и парик на манекен надеты.

Попрядухин отметил про себя: так ведь это деталь. Спросил:

— Ну а его дружок?

— Дружок? Тот в темном костюме, да и сам какой-то темный, мрачный, болезненный. Лицо страдальческое, на Христа похож.

Инспектор остался доволен:

— А вы говорите — приблизительно. Хорошо описали. Теперь у нас осталась Галина.

— Она в светлой синтетической шубке. Шапочка вязаная красная. Туфли черные на шпильке...

— Стоп, стоп, не так быстро... — прервал Александр потерпевшую. — А как насчет особых примет?

— Ничего особого в ней нет. Крашенная блондинка. Правда, вот родинка заметная на левой щеке.

— Спасибо. Достаточно.

Кончик нити был у инспектора в руках. Дело за тем, чтобы, ухватившись за него, распутать клубок преступления.

— Сергей Никонович! — обратился инспектор к редактору. — Не обидитесь, если я вас кое о чем попрошу?

— Что за вопрос, ведь это в интересах закона.

— Вот именно. Сходите по этим адресам, там мои внештатные инспектора проживают. Пусть придут в красный уголок. Фатима, вы останетесь здесь с девушкой... — С этими словами Александр покинул красный уголок. Из автомата на улице позвонил в отделение, сообщил о происшествии, а сам поспешил в штаб дружины...

Уже через десять минут в красном уголке собрались активисты. Сидели внештатные участковые, ответственные за подъезды, дежурный наряд дружинников. Попрядухин коротко изложил суть случившегося, назвал приметы злоумышленников.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание. Но затем общественники начали высказываться. Однако их сообщения не вселяли надежду.

— Нет, в нашем подъезде таких не замечали.

— С уверенностью могу сказать, в нашем доме такие не живут.

— Во дворе не видели.

«Неужели до приезда опергруппы так ничего и не прояснится?» — подумал Попрядухин.

Но вот поднялся Василич. Так уважительно, как повелось на Руси, по отчеству, звали в микрорайоне внештатного инспектора, бывшего слесаря завода «Красный пролетарий». Василич откашлялся в кулак и неторопливо начал:

— Сдается мне, видел я того пестрого попугая со значком мастера.

— Где? — этот нетерпеливый вопрос задали одновременно многие собравшиеся в красном уголке, в том числе, естественно, и лейтенант.

— Где, как не в гастрономе. В винном отделе, с Витькой Грохотовым...

Это уже что-то существенное. План дальнейших действий был ясен: немедленно к братьям. На ходу Попрядухин попросил дружинников быть наготове, может, придется самим брать преступников. И скорее к знакомому подъезду.

Как и в первый раз, звонить пришлось долго. Как и тогда, наконец-то раздались шлепающие шаги и открыл дверь Грохотов-старший. Но в этом человеке произошли разительные перемены: исчезли неопрятные космы, лицо молодое, светлое. И запах сивушный пропал. Грохотов стоял смущенный и слегка встревоженный.

— Александр Иванович?! В такой-то час? Случилось что?

— Витя дома?

— А где ему быть. Недавно только со смены вернулся, отдыхать лег.

— Если можно, разбудите его.

— Никак, натворил что? — испуг откровенно звучал в словах Грохотова-старшего.

— Нет-нет! — успокоил участковый. — Помощь его нужна.

— Помощь? — теперь уже удивился Грохотов.

Однако они уже входили в комнату...

Разбуженный Виктор долго не мог понять, что, собственно, хочет от него лейтенант. Гастроном? Да, раньше частенько хаживал туда, благо, Дуська-продавщица без очереди отпускала водку. Парень, мастер спорта? Нет у него знакомых мастеров. Впрочем...

— Как вы говорите, пиджак в полоску, длинные волосы?..

— Именно...

— Значит, на манекен похож? — Виктор неожиданно засмеялся.

Старший брат одернул его:

— Не до смеха сейчас...

— Как же не до смеха... Ведь это же Пашка Рыжий... Так какой же он, к черту, мастер спорта! Может быть, только по литрболу...

— Но у него значок, — уточнил инспектор.

— Значок? Правильно, есть. Но на барахолке не то что значок, любую бляху купить можно...

«Пашка Рыжий, что-то не припомню такой клички, — думал Попрядухин. — Нет, определенно на участке такого нет». Тут, словно разгадав мысли лейтенанта, Виктор сказал:

— Пашка-то не наш. Если что натворил, не вам отвечать, Александр Иванович.

— Не об ответственности сейчас речь. Витя, ты знаешь, где он живет?

Парень замылся.

— Что смущаешься? — спросил Александр Иванович.

— Как вам сказать. В приятелях мы с ним не ходили. Но корешами считались. Хорошо ли, если по моей вине он на пятнадцать суток угодит по пьяному делу?

— Почему именно на пятнадцать суток?

— А что он еще, Пашка, сделать может? Так, мелкий пакостник. Когда хмельной — дуреет.

— Поверь мне, Виктор, дело не о мелочах идет. Пашка твой замешан в серьезном преступлении, и от того, как скоро мы Рыжего найдем, многое зависит, в том числе и его собственная судьба. Вот ты говоришь, он ни на что не способен. А если втянул кто?

— Втянул? Что ж, это возможно... И на самом деле все так серьезно?

— Иначе бы не стал вас беспокоить в столь поздний час.

Виктор поднялся с постели, на которой сидел полураздетым, и начал вышагивать торопливо по комнате. С прошлым парень порвал, и, видимо, окончательно: заводской коллектив пришелся ему по душе. И заработки приличные, и уважение. Но в то же время хорошо ли подводить бывшего собутыльника? На развилке парень оказался. «Вроде бы накрепко я пристал к новому берегу, — думал Витя, — так стоит ли сохранять шаткий мостик, соединяющий со старым? Тот, старый, поначалу только казался беззаботным и разгульным, а вишь ты, в какую трясику на нем можно попасть. Александр Иванович — человек правдивый, убедился в этом сам, — говорит, дело серьезное, стало быть, преступлением тяжелым пахнет. К лицу ли мне, рабочему, теперь покрывать преступника? Может, и сам Пашка запутался?..»

Виктор продолжал ходить по комнате. Попрядухин не торопил его. Только раз, словно невзначай, взглянул на часы: дескать, время. Грохотов сделал выбор:

— Ладно, лейтенант, обожди меня, мигом оденусь.

По лестнице спускались бегом. В подъезде нос к носу столкнулись с Василичем.

— Александр Иванович, оперативная группа прибыла. С собакой. Вас кличут.

— С собакой? Не понадобится она. Своими силами обошлись...

Его любовь — самбо

Александр Попрядухин. *Занимаюсь ли я спортом? Безусловно. Милиционер обязан всегда находиться в отличной физической форме. Ну а если говорить о конкретных видах, мое сердце отдано самбо...*

Самбисты двинулись навстречу друг другу. Высокий явно ошеломлен натиском. Значит, задача состоит в том, чтобы не дать ему опомниться, прийти в себя. Попрядухин снова в атаке. Он прекрасно проводит «переворот». Соперник на ковре. Но что это? Во время исполнения приема Саша поскользнулся. Падая, он молниеносно выбросил перед собой правую руку. И видимо, неудачно. Подвернул

ее.

Гримаса боли, на миг промелькнувшая на лице спортсмена, не осталась незамеченной тренером.

— Стоп! — скомандовал Панкратов и подбежал к лежавшему Саше. Спросил участливо, с тревогой: — Что, травма? — Взял руку Попрядухина, чуть потянул на себя кисть. Саша не вскрикнул, но по тому, как искривился рот атлета, тренер понял все. — Врача! — крикнул он собравшимся вокруг самбистам.

Саша чувствовал себя неловко. «Чепуха какая-то, — думал он. — Наверное, просто растяжение, а сколько хлопот доставил. Вот и доктор спешит...» Толстенький, суетливый, с блестящим саквояжиком, доктор семенил через зал. Вот он уже достает ампулу с хлорэтилом. Значит, замораживать будет.

— Ничего, милейший, разве это травма? Травмочка, пустячок! — Неожиданно сильные пальцы врача надламывают ампулу.

— Да я тоже так думаю. Зря вас только позвали.

— Для нас, милейший, каждый вызов что праздник, И так говорят, даром зарплату получаем. И кроме того, не дам тебе сейчас холода, к вечеру рука с дыню будет. Хлорэтил постепенно снимал нестерпимый жар, только что бушевавший в руке...

— Здорово... Спасибо доктор.

Саша поднялся со скамьи и направился к раздевалке. Его догнал Панкратов:

— Эскулап говорит, ничего страшного. Пару занятий, правда, придется пропустить, но до первенства Москвы все обойдется. Так что не расстраивайся.

— Да я, собственно, и не расстроился. Жаль, что бой до конца не довел.

— Бой? Да разве он у тебя последний!..

Если бы знал тренер, как он в эту минуту был близок к истине... Если бы знал, то наверняка пошел бы вместе с Попрядухиным, проводил бы его...

На столицу опускались сизые сумерки. На магистралях еще не вспыхнули фонари. Лишь витрины магазинов осветились ровным матовым светом. Когда Александр вышел на улицу, было еще светло, он без труда разобрал цифры на диске телефона-автомата. Набрав нужный номер, Попрядухин услышал знакомый голос, но по привычке спросил:

— Надя, ты?

— А кто же еще может подойти к телефону?

— Конечно, конечно...

— Ты что, задерживаешься?

— Нет, наоборот, еду домой...

В голосе жены сразу послышалась тревога:

— Почему вдруг, что-либо случилось? Насколько я понимаю, до конца тренировки еще полтора часа...

Саша замолчал, он думал, как ответить Наде, не напугав ее и не обманув...

В кабину заглянула девушка. Увидела, что она занята, сделала досадливую гримасу и быстро пошла дальше.

— Отчего ты не отвечаешь? — Надя явно нервничала.

— У меня упала сумка, — схитрил Саша. — И зря ты волнуешься, все в порядке, просто Панкратов решил дать мне отдохнуть перед чемпионатом...

— Так я жду...

— Через сорок минут буду дома.

Саша шагал быстро, уверенно. Позади осталась оживленная улица, тихий переулок, ведущий к железнодорожным путям. Вот и переход через них... Пружинистыми прыжками Александр преодолевал ступеньки, сначала через две, затем через три... Тоже своего рода тренировка. И вдруг он услышал крик. Резкий, зовущий, тоскливый. Крик беды... В этот момент милиционер был уже на переходе. И он сразу увидел впереди, метрах в двадцати, человеческие фигуры. Две огромные сжали третью — маленькую. В следующее мгновение Саша уже отчетливо различил, как мужчины схватили за руки девушку. Она повернула в сторону подбегавшего Попрядухина искаженное страхом лицо... Совсем недавно у автоматной будки он видел ее.

— Отпустите немедленно! — решительным тоном произнес Александр.

Хулиганы тоже обернулись. Попрядухина обдало винным перегаром. Один из верзил кинул оценивающий взгляд на человека в спортивном костюме. И вдруг загоготал:

— Отваливай отсюда, малявка, пока цел!..

В тот же момент Саша почувствовал удар в плечо. В плечо травмированной руки. Стоит ли говорить, какую боль ощутил милиционер. Но она не остудила решимости Попрядухина, ринувшегося в схватку.

Сейчас Александр не может вспомнить, каким именно приемом обезвредил он хулигана, нанесшего удар. Факт тот, что парень, взлетев в воздух и совершив небольшой планирующий полет, приземлился на асфальт. Там он остался лежать надолго... Проведя прием, Саша не успел выпрямиться, и этим воспользовался тот, что обозвал милиционера «малявкой». Здоровяк восьмипудовой тушей навалился на самбиста. Чтобы перехватить инициативу, тому пришлось облокотиться на поврежденную руку. Верзила усилил нажим... Что-то хрустнуло в руке, что-то резануло, казалось, в самое сердце. Позже врачи скажут: «Закрытый перелом». Тогда же там, на переходе, было не до диагнозов. Нужно было выиграть схватку...

Судя по всему, злоумышленник обладал опытом в таких гнусных нападениях. Он превосходил Сашу и ростом, и весом, и силой. Но и противник у преступника — не простак. Самбист, хорошо владеющий приемами своего любимого вида спорта, сотрудник советской милиции, видящий свой долг в том, чтобы обезвредить хулигана. К сожалению, Попрядухин оказался лишенным возможности маневра. Не мог он провести эффективный прием ногой. Преступник прижал его, отчетливо слышалось его прерывистое дыхание. К тому же страшная боль в руке. И все же сработали рефлексy, воспитанные долгими месяцами занятий.

Ведь занятия эти выработали не только силу и ловкость, знание приемов и быстроту движений, но и быстроту мышления, находчивость, умение мгновенно принимать решения, а главное, проводить эти решения в жизнь.

В миг, когда верзила намеревался сомкнуть свои пальцы-клещи вокруг шеи милиционера, тот, бросив взгляд ему за плечо, крикнул:

— Девушка, заходите слева!

Хулиган попался на простейший крючок, он скосил глаза налево и на

мгновение ослабил нажим. Будь на месте Попрядухина человек нетренированный, эти доли секунды ничего бы ему не дали. Но Александру хватило их. С молниеносной быстротой выскользнул из-под громилы. А когда тот попытался обрушить на него кулак, провел прием. Левая рука скользнула под кисть руки преступника, правой рванул его локоть на себя — и через секунду нападавший, воя от боли, согнулся в три погибели.

Саша чуть-чуть расслабил хват, ровно настолько, чтобы задержанному не было больно, но в то же время чтобы при малейшей попытке к сопротивлению он поплатился рукой...

Девчушка, за которую вступился Саша, оказалась не из робких, она не бежала с места происшествия, а нашла телефон-автомат и вызвала милицию. Помощь пришла вовремя.

На дежурстве — Попрядухин

Александр Попрядухин. Говорят, по-настоящему человек счастлив, если он дня не может прожить без работы, когда его тянет в коллектив, к товарищам по службе. Понимаю, не везде создана такая притягательная, что ли, атмосфера. Но считайте, что нам в 127-м отделении повезло. Легко работалось. Не в смысле загруженности, конечно. Это я об отношениях между людьми. Товарищеская взаимопомощь, участливое внимание к сослуживцам, принципиальная критика — вот что характеризовало отношения между сотрудниками.

...Собрание подходило к концу. Люди устали. В задних рядах послышался шепоток, кое-кто с намеком достал пачку сигарет, задвигались в нетерпении стулья. Но стоило председательствующему объявить, что выступает старший лейтенант Попрядухин, как шум стих: шутка ли, сам народный контроль берет слово. Тем более что буквально днями активисты провели рейд: интересовались, как рассматриваются заявления граждан.

Александр Иванович всегда волновался, когда выходил на трибуну. И сейчас он не сразу стал говорить — обдумывал начальную фразу. Ведь важно не просто отбарабанить отпущенные регламентом десять минут, а задеть коммунистов за живое, не поучая, тактично напомнить им кое-какие требования устава и партийных решений.

Но вот прозвучали первые слова:

— Что же получается, товарищи? Партия нацеливает нас на кропотливую профилактическую работу, а мы, это самое, сигналы граждан кладем под сукно. — Зал насторожился: сейчас начнет примеры приводить. И точно, не любящий абстрактной критики, Попрядухин привел факты: — У инспектора Сомова неделю заявление жильцов лежит. А в заявлении том не о протекающей крыше речь идет, не о мусоре на тротуаре. Хотя для доброго хозяина участка и это повод для беспокойства. О том сообщают граждане, что восемнадцатилетний паренек работу бросил, шатается без дела. Так что, будем ждать, когда он преступление

совершит?

— Александр Иванович, ведь я сразу после рейда побывал на месте, уладил все. — Это Сомов поднялся с места.

— Хорошо, что побывал. Плохо, что после напоминания народных контролеров. Нет, друзья-товарищи, не годится так! Не будем реагировать на заявления граждан — пропадем. Нас немного, а территория вон какая огромная. Разве сами за всем уследим? Люди помогают нам. Идут к нам с верой. Так зачем же эту веру рушить? — Старший лейтенант сделал паузу, словно пытался убедиться: дошли его слова до слушателей или нет? Улыбнулся: судя по деловой реакции, дошли. Значит, можно продолжать, значит, можно сказать главное. — Довелось мне недавно слушать нашего министра. Интересные цифры приводил он: о том, сколько ежегодно граждан находится в социальной сфере деятельности милиции. Примечательные цифры. И речь идет не только о лицах, преступивших закон, и даже не главным образом об этих лицах. В нашей с вами сфере, друзья-товарищи, советские люди, которые обращаются к нам как к представителям Советской власти с различными вопросами. Тут и потерпевшие, и гражданские истцы, и представители учреждений, общественный актив, и те, кто прописывается и выписывается. Если по-простому, то тысячи людей ищут у нас с вами помощи, совета и содействия, а нередко защиты и восстановления нарушаемых прав. Теплоты и внимания они ждут, человечности, зрелости профессиональной и политической. А мы обращения их, заявления — под сукно. Не годится так...

В первом ряду кто-то не удержался, выдохнул:

— Точно, не годится...

Реплику поддержали. Предложения были определенные.

— Волокитчиков на бюро вызывать!

Попрядухин заканчивал:

— Можно и на бюро. Кое-кого даже обязательно надо. Но важнее, чтобы мы все перестали смотреть на заявления, как на мертвую бумажку. Пусть видятся за ними живые люди. Всегда.

После того как коммунисты разошлись, присутствующий на собрании представитель райотдела спросил начальника отделения майора Углова:

— Попрядухин? Это не тот, что в дорнадзоре служил?

— Тот.

— А у вас он в какой должности?

— Инспектор-дежурный.

Да, снова в милицейской судьбе Александра Ивановича поворот. Случаен ли он? Думается, нет. Закономерен. Каждый новый этап развития органов внутренних дел выдвигал перед ними новые задачи. В ноябре 1968 года были приняты исторические решения партии и правительства, направленные на то, чтобы резко поднять уровень работы милиции. Речь шла не о каких-либо частных улучшениях, подтягивании отстающих звеньев или служб. Нет. Речь шла о коренной перестройке, решительном улучшении всей системы работы солдат порядка, и прежде всего о том, чтобы поднять интеллектуальный уровень деятельности милиции, резко повысить общую, правовую и профессиональную

культуру труда каждого сотрудника, всей совокупности служб и органов внутренних дел. Курс на профилактику правонарушений взяла советская милиция. Ее усилия были направлены прежде всего на то, чтобы предупредить преступление, удержать человека от неверного шага.

Одновременно предпринимались меры по обеспечению неотвратимости наказания, по более быстрому и эффективному раскрытию преступлений. В совокупности проблем, стоящих в последние годы перед милицией, решалась и проблема управления во всех звеньях от министерства до отделения. Создавались штабные подразделения, оперативные части. Это наверху. А в низовых органах укреплялись дежурные части, с тем чтобы превратить их в подлинные аппараты оперативного руководства.

Если в отдельных службах, например в уголовном розыске, БХСС, требовались люди с узковыраженной специализацией, то в дежурные части подбирались универсалы. К их числу принадлежал и Попрядухин — человек, отстоявший свое на посту, освоивший науку участкового инспектора, изрядно поработавший жезлом на магистралях.

Углов говорил с видимым удовольствием:

— Когда заступает смена во главе с Александром Ивановичем, я не тревожусь, знаю: все будет, как надо. Дело не в том, что другие инспектора менее добросовестно несут службу или слабее подготовлены. Нет, все эти люди квалифицированные, опытные. Но работу Попрядухина отличает большой профессионализм, внутренняя, собранность, умение действовать инициативно, быстро анализировать обстановку и принимать правильные решения.

Старший лейтенант, проходивший рядом, услышал случайно последние слова начальника и скептически улыбнулся: «Да разве сейчас трудно принимать правильные решения?»

А имел он в виду вот что. Под рукой у дежурного ныне набор карточек, где указаны самые первые неотложные действия, которые должен он предпринять, получив сигнал о каком-либо событии: убийстве, пожаре, ограблении и т. д. В четырех-пяти пунктах коротко и точно сказано: кого вызвать, куда позвонить, что сделать. Это сколь простое, столь же и замечательное нововведение, между прочим, позволяет действовать предельно оперативно, «не думая». Впрочем, как выразился один известный публицист, кавычки здесь даже ни к чему. Действительно, не думая над элементарным, чтобы «думать вдаль» — то есть, обеспечив безусловно необходимые меры, иметь возможность творчески подойти к тому, что ни один регламент не берет на себя — предусмотреть, как конкретно выходить из конкретной, всегда неповторимой ситуации.

И вот тут-то самый раз сказать о том, что скептицизм, высказанный в отношении слов начальника отделения Попрядухиным, совсем неуместен.

Не каждый в равной мере искусно найдет пути к решению последней, всегда частной задачи: тут уж кому что дано или кто чему научился. И Углов знал, что говорил: Александру Ивановичу с его опытом дано многое...

Итак, собрание закончилось, люди расходились по домам. Не все, конечно, кое-кто задержался в кабинетах закончить дневные дела. А Попрядухин, заступивший утром на дежурство, продолжил вахту.

Помощник доложил, что за истекшие два часа ничего особенного не произошло. Ну и хорошо. Старший лейтенант занял свое рабочее место... Да, многое изменилось в милиции. Даже то, что окружает теперь Александра Ивановича, совсем не похоже было на обстановку, среди которой находился, ну скажем, Чернов. Помните, дежурный из четвертого отделения. Первый дежурный, с которым беседовал уволенный в запас пограничник. Там — несгораемый шкаф, старенький стол с телефоном, примитивно составленная схема, выдержки из указов. Здесь — радиопульт, обеспечивающий двустороннюю связь с патрульными экипажами, светоплан, дающий четкое представление, где они находятся в данный момент, схема контроля за профилактической работой... Не контора, а в самом деле штаб, хотя и не положено быть таковому в столь небольшом подразделении, как отделение милиции.

Ознакомившись с телефонограммами, поступившими из райотдела и управления внутренних дел города, еще раз просмотрев ориентировки о разыскиваемых преступниках, Александр Иванович решил пройтись по кабинетам, узнать, кто из сотрудников задержался на случай той самой «неповторимой ситуации». Отделение обслуживало район новостройки и находилось пока во временном одноэтажном строении. Так что старшему лейтенанту немного времени потребовалось, чтобы убедиться: в помещении пусто. Вот только старший инспектор уголовного розыска Баранов засидится над делом о мошенничестве — путаная история, цыгане замешаны, да молодой милиционер Юшков остался после смены позаниматься в ленинской комнате — в общежитии, говорит, шумно. Что ж, в отделении сейчас тишина. Даже в дежурной части. Вопрос: надолго ли? Приближались часы «пик», отмеченные на специальной схеме, лежащей перед Попрядухиным, как дающие самый высокий процент правонарушений. И точно, едва принялся за составление плана на следующий месяц — звонок. Пьяная драка возле кафе. Это — в отдаленном микрорайоне. Попрядухин выслал на место происшествия наряд. Вскоре снова сигнал: подвыпивший глава семейства дебоширит — и снова уходит милицейская машина. Вышедшему на связь мотопатрулю назвал дежурный адрес кинотеатра — новый фильм идет, просят помочь обеспечить порядок. Случилось так, что в дежурной комнате осталось всего-то войска что один Александр Иванович. И как раз в этот-то момент вошла в комнату женщина. Она не кричала, как обманутая в магазине хозяйка, не устроила истерики, наподобие той, что уличили недавно в спекуляции. Она ничего не требовала, никому не грозила. Вообще не обратилась даже к дежурному. Просто вошла. И едва переступила порог, как-то враз обмякла, ноги подкосились, и женщина тяжело опустилась на скамейку. Попрядухина, интуитивно почувствовавшего большую беду и вмиг выскочившего из-за барьера, поразил ее отрешенный взгляд, словно человеку только что врач сообщил о неизлечимой болезни. Судя по всему, посетительница даже не заметила оказавшегося рядом Александра Ивановича. И сил-то у нее хватило лишь на то, чтобы произнести:

— Все кончено. Теперь его уже нет в живых... Все кончено.

Вот опять знакомая ситуация: что-то случилось, видать, чрезвычайное. И успешное решение задачи, встающей перед милицией, зависит теперь от

главнейшего фактора — времени, а слова у заявительницы-свидетельницы, пострадавшей — или кто она там, никому не известно, — придется выцеживать терпеливо, вежливо, настойчиво. Начал с просьбы:

— Выпейте, пожалуйста, воды. Успокойтесь. И скажите, что произошло?

Женщина перевела взгляд на милиционера. Возможно, вид формы привел ее в себя, может быть, сам вид дежурного помещения напомнил ей, зачем она пришла сюда. Во всяком случае, посетительница произнесла:

— Да, да... Но у нас нет телефона, я шла слишком долго...

— Успокойтесь, — терпеливо повторил Александр Иванович. — Сколько вы шли и откуда?

— Пять минут...

«Ну это не так долго», — с удовлетворением отметил про себя старший лейтенант, а вслух произнес:

— Так откуда вы все-таки шли?

Женщина назвала улицу, номер дома. Постепенно вырисовывалась картина происшествия. Кто-то позвонил в квартиру, представился работником ЖЭК. Открыли. И тогда двое неизвестных ворвались в прихожую. Ударили мужа по голове чем-то тяжелым, он упал. Жену, к счастью, прикрыло входной дверью. Ее грабители в спешке не заметили, и ей удалось вырваться на улицу. Так она оказалась в милиции. Вот, собственно, и вся история дерзкого преступления.

Точные действия по пресечению такого и задержанию злоумышленников тоже расписаны в одной из типовых карточек, хранящихся у дежурного. Однако сложившаяся ситуация — потеря времени, отъезд оперативных машин в отдаленные точки, необходимость неотложных мер — диктовала принятие иных решений, требовала инициативы. Сиюминутно. А он — один. Впрочем, почему один? Юшков на месте и Баранов. Сорвал телефонную трубку с рычага:

— Баранов? Ограбление в восьмом квартале. Потерпевшая здесь, у нас в отделении.

Большого объяснять оперативнику не требовалось. Несколько секунд спустя он был уже в дежурной части, получал оружие. И Юшков с ним.

— Теперь за вами дело, ребята, — подбадривал товарищей старший лейтенант, — главное — не упустить.

— Постараемся, — ответил Баранов и обратился к женщине: — Вам лучше остаться здесь. Адрес вы точно указали?

— Конечно, точно.

— Ну и добро!

Милиционеры вышли из комнаты.

— Как вы думаете, успеют? — поинтересовалась посетительница.

— Работники толковые, — только и ответил Попрядухин. Он набрал номер «скорой помощи»: мало ли что там с хозяином квартиры!..

Около полуночи Александру Ивановичу удалось наконец-то позвонить домой. А без этого нельзя. Надежда никогда не ляжет в постель, пока не узнает, что с ним все в порядке. Так и есть. Жена сразу же подошла к телефону.

— Все не спим... — с осуждением в голосе и в то же время с какой-то особой нежностью проговорил Александр.

— Да вот, как-то за делами и не заметила, что полночь уже... Аленка зато старается — уже третий сон видит, — опережая неизбежный вопрос мужа, сказала Надя.

— Ну и ладно...

— У нас-то ладно, а у тебя как?

— Что у меня? В диспетчера превратился: только указания даю да бумажки подписываю. Ребята молодцы — двух грабителей задержали. Проводил их, встретил. А сам в тепле оставался. Так что ложись, не беспокойся. Служба у меня теперь тихая.

* * *

...Утро того памятного дня не предвещало ничего неожиданного. Хотя, вообще-то, для встреч с опасностью в последнее время у Попрядухина было больше возможностей, чем раньше. Из родного отделения его, опытного офицера милиции и спортсмена, откомандировали в одну из оперативных групп МУРа. Но вот уже сколько дежурств минуло, а группа, по сути дела, даже не выезжала на происшествия...

Новая вахта — да простят нам этот морской термин! — началась так же спокойно. Честно говоря, Александр даже рад этому спокойствию. Ну, во-первых, раз нет срочных вызовов, — значит, в городе порядок, а это для милиционера самое веское основание для радостного настроения. Во-вторых, последний год заочной учебы в институте требовал серьезной подготовки, а «тихое» дежурство давало возможность посидеть над учебником. Вот хотя бы над этим — «Гимнастика»... Но Саше не удалось погрузиться в мир гармонии, физического совершенства, красоты. Короткая, как выстрел, команда вмиг собрала группу. Вот они стоят плечом к плечу в одной шеренге, молодые, сильные, смелые: Михаил Ляхманов, Валентин Раков, Александр Попрядухин...

Генерал четко изложил суть задачи: милиция напала на след опасных преступников. Бандитов следовало обезвредить, причем как можно скорее, пока они не натворили бед.

— Операция предстоит сложная и... — генерал сделал паузу, — опасная.

В милиции, как в военном деле, есть вещи, о которых нельзя все говорить. Профессиональная тайна. К чему, например, подсказывать злоумышленнику новые приемы и методы нарушения закона, зачем «учить его уму разуму». Совсем не обязательно и смаковать подробности тяжких преступлений. Поэтому мы опускаем подробности операции. Скажем только, что была она очень сложной, очень рискованной. На ее завершающей стадии они стояли друг против друга, готовясь к схватке: Попрядухин с товарищами и вооруженные преступники. На первый взгляд, их разделяла лишь плотно закрытая дверь. Но на самом деле между ними стояло нечто более существенное: разность целей. Те, что укрылись, замыслили преступление. Те, что взялись обезвредить сумасбродов, боролись за людские жизни.

Подвиг начинается тогда, когда человек во имя большого дела осознанно и добровольно идет на риск. Александр и его товарищи по группе знали о

смертельной опасности, но не дрогнули в решительный момент.

Десять томительных минут длился поединок нервов. Бандиты не выдержали испытания. Их пугала зловещая тишина за дверью. И они приоткрыли ее. Всего на долю секунды. Но этого было достаточно, чтобы Александр Попрядухин, в мгновение оценивший обстановку, первым ринулся навстречу выстрелам, навстречу своей большой победе... Он принял огонь на себя... Так велел ему долг коммуниста, долг офицера милиции.

* * *

Как-то нынешним летом преподавателю Академии МВД СССР капитану Попрядухину довелось побывать в брянских местах. Прошелся он лесом, полной грудью вдохнул настоящий на хвое и травах воздух. Свернул с большака на проселок, ведущий в маленький Сивск, где родился, но откуда уже давно уехала его семья. Подумалось Александру: «Вот сейчас увижу раскидистый дуб на околице, березовую рощу, а за ней добротные, бревно к бревну, избы». Но не было изб. Снесли поселок. Тесно стало колхозным полям. Жители переехали в центральную усадьбу.

Понимал капитан: так надо, так лучше. Но сердце отчего-то сжималось. Никто теперь никогда не узнает, что был на свете Сивск. Высказал он эту мысль своему попутчику — бывшему соседу, деду Василию. А тот, недаром мудрым сlyвет, и говорит: «Все от нас зависит. Найдется кто из земляков, что славные дела умеет творить, прославится, люди обязательно вспомнят, скажут: «Человек этот родом из Сивска»».

Прав оказался старый колхозник. Будут люди теперь всегда помнить маленький лесной поселок, потому что дал он стране человека, первым среди работников милиции заслужившего в мирное время звание Героя Советского Союза.